

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Шепот в темноте

Annotation

В моем мире живут оборотни. Об этом мало кто знает, но мне, к сожалению, данный факт известен. И не только известен — я нахожусь в пути, конечная точка которого — дом главы клана Волка. Увы, это не экскурсия и не путешествие. Скорее финал моей короткой жизни, похожей на сказку... Страшную, правда, и с заведомо паршивым концом, но в общем и целом — сказку, как ни крути. Про серого оборотня по кличке Вихо и девочку, которой очень не повезло ему понравиться...

Елена Звездная

Шепот в темноте

© Звездная Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Шепот в темноте

В моем мире живут оборотни. Об этом мало кто знает, но мне, к сожалению, данный факт известен. И не только известен — я нахожусь в пути, конечная точка которого — дом главы клана Волка. Увы, это не экскурсия и не путешествие. Скорее финал моей короткой жизни...

Стоя на пыльной платформе и ожидая монорельс, я с чувством грустной отрешенности осматривала пассажиров, также ожидающих транспорт, что помчится по Великой степи — исконной земле оборотней.

Оглянулась — Меченный Дик, Бешеный Стэн и Внимательный Грейк как и всегда находились позади меня. Дик ближе всего, он быстрее реагировал на опасность, поэтому и всегда был рядом. На пять шагов дальше от него лениво курил Бешеный Стэн, хотя, казалось бы, оборотни не должны курить. Но сизый дым в его сигарете давал вовсе не табак, а без этих сигарет Стэн, и так отличающийся паршивым нравом, и вовсе терял контроль над своей яростью. Так что он курил почти постоянно и одним этим сбивал любых ищек с пути — никто не мог поверить, что на свете может существовать курящий оборотень. Грейк находился дальше всех, на расстоянии шагов в сорок, и я могла отыскать его лишь по взгляду, который словно чувствовала. В остальном Грейк был совершенно непримечателен — серопепельные волосы, невыразительное лицо, серая с коричневым одежда, опущенные плечи типичного неудачника. По Грейку скользили взглядом, не замечая его, и именно это часто становилось фатальной ошибкой для рискнувших напасть.

А такие имелись.

Эти матерые волки охраняли и берегли меня уже больше пяти лет. Я привыкла отыскивать их взглядом в толпе, привыкла, что, стоит мне споткнуться, Дик, являясь бесшумно, словно призрак, всегда поддержит, Стэн защитит, Грейк прикроет. Возможно, это было хорошо, но, увы, в такой опеке гораздо больше минусов, чем плюсов. Я никогда не остаюсь одна. Никогда и нигде.

Поправив рюкзак, медленно прошла вдоль террасы, затем, подойдя к столику, села. Рюкзак — единственное, что мне разрешили взять из дома, поэтому он был вместительным, здоровым и совершенно неуместным в VIP-классе, где на девицу в потертых джинсах, кедах и выцветшей майке поглядывали с явным неодобрением дамы модельных параметров и их крайне накаченные, поджарые, в основном темноволосые спутники. Раньше, глядя на них, я бы решила, что это какой-то сбор разбогатевших культуристов, теперь точно знаю — оборотни. Читалось это и в чересчур внимательных взглядах, и в едва заметно подрагивающих крыльях носа, когда они сканировали обстановку, незаметно вдыхая воздух. Забавно, но среди их спутниц женщин оборотней не было.

Стоило мне сесть, подошел официант. Ничего не предлагая, он принес заказ, сделанный не мной, — коктейль, в котором не имелось ни капли алкоголя. Еще одно ограничение в моей жизни — никакого спиртного. К этому можно добавить никакого табака, наркотиков, антидепрессантов, ничего. И да, никаких парней, близких друзей, да просто друзей... В общем и целом мое существование можно было охарактеризовать как тщательно охраняемое одиночество.

— Давай без выкрутасов. — Дик, нарушая собственное правило не вступать в разговор, подошел и сел напротив меня.

Мы не здоровались, хотя поначалу я пыталась... года три пыталась быть вежливой, но потом как-то примирилась с бестактностью своих сторожей.

— С чего ты решил, что будут какие-то выкрутасы? — игнорируя коктейль и доставая из рюкзака начатую бутылку с теплой уже водой, спросила я.

Дик был бы достаточно красивым мужчиной испанской внешности, если бы не вечно презрительная гримаса, которая делала нос еще острее, а губы практически незаметными.

— Я знаю это твое выражение лица, — прямо сказал он.

Не отвечая, сделала пару глотков воды, закрутила крышку, засунула бутылку обратно в рюкзак и сделала вид, что мы с этим, сидящим напротив меня оборотнем совершенно незнакомы.

Откровенно говоря, я предпочла бы действительно никогда не знакомиться с Диком. И вообще его не знать и не видеть. Как и остальных. Но так уж вышло, что и мой отец не желал видеть оборотней. Не желал настолько сильно, что в возрасте четырнадцати лет сбежал из Великой степи без документов, денег и вообще непонятно каким образом, потому что оборотни своих полукровок никогда в мир людей не выпускают. Они их держат за существ второго сорта, но не выпускают. А отец как-то умудрился сбежать, сам он потом рассказал, что ему невероятно повезло... Повезло. Папа сумел сбежать, попасть в приют, быть усыновленным, закончить школу, колледж, стать менеджером в крупной автомобилестроительной компании, жениться и практически вырастить детей. Я росла в замечательной семье с сестрами и братьями до четырнадцати лет.

В день, когда мой мир перестал быть прежним, я вернулась домой очень поздно, задержавшись у подруги. Родители не возражали — Мэгги жила по нашей же улице через два дома от нас, и все равно ее отец всегда провожал меня до дверей, стоял на улице и ждал, пока я забегу, только после этого уходил. Его, как и всех наших знакомых, заразило паранойей моего отца, который всегда чрезмерно заботился о своих детях. В тот жуткий день мне было суждено узнать о причинах папиной паранойи.

Отец сидел во главе накрытого стола, и я в первый момент сильно удивилась тому, что они еще не закончили ужинать, ведь точно знала, что меня не ждут — я всегда у Мэгги ужинала, если не вернулась домой к восьми. А тогда на часах было десять... И я замерла на пороге столовой, удивленно глядя на вздрогнувшего отца и начав подмечать странности — рассыпанный из перевернутой тарелки салат, бутылку с легким вином, горлышко которой оказалось отбито, нож... воткнувший в ладонь отца и пригвоздивший ее к столешнице...

И если сначала мне показалось, что, кроме папы, в комнате больше никого нет, то внезапно вдруг заметила, что в доме посторонние. Станные посторонние. Злые. Опасные. С горящими, как у хищников, глазами и угрожающим обманчиво-ласковым:

— Качина.

Я вздрогнула и переспросила:

— Что?

Мне тогда показалось, что я попала в кошмар, просто какой-то невообразимый кошмар, потому что реальностью эти вторгнувшиеся в наш дом просто не могли быть.

— Качина, — повторил низким голосом сидящий в кресле перед неработающим телевизором мужчина, — переводится — красивая, как куколка.

И он улыбнулся, в полумраке сверкнули неестественно белые острые зубы. Внезапно отец, до этого молчавший, хрипло закричал:

— Мадди, немедленно беги наверх к мате...

Он не успел договорить, как выступивший из темноты мужчина нанес удар. Раздался хрип, хруст, страшный чавкающий звук, и, распоров ладонь, которая была пригвождена к столу ножом, отец повалился на пол.

Я не знаю, почему даже не закричала. Парализованная ужасом, я проследила за его падением, за тем, как воткнутое в столешницу лезвие ножа рассекает папину руку... Но вместо того, чтобы испугаться, я вдруг отчетливо поняла: папа не сможет нас защитить. Никто не сможет. Осталась только я, и мне нужно что-то делать. Единственное, что я в принципе могла, — добраться до оружия. Мы все знали, где оно хранится, и я отлично помнила, что там, возле телевизора, в одном из ящиков лежит папин пистолет. Другой был под столом, еще несколько наверху... Папа очень любил оружие, имел разрешение на хранение и ношение, обучил всех нас, кроме мамы, как с оружием обращаться, и на стрельбища возил нас регулярно. Мама всегда говорила, что это бессмысленно... но именно в тот момент я поняла, что смысл в отцовских уроках был.

— Подойди, качина, — приказал сидящий в кресле мужчина, не отрывая от меня взгляда светящихся глаз.

Это было хорошей идеей — встав перед креслом, я окажусь рядом с нужным мне ящиком. И я совершенно спокойно направилась к бандиту. Миновала стол, перешагнула через кровоточащую ладонь отца.

— Какое хладнокровие, — издевательски восхитился тот, кто явно был здесь главным.

И я тогда сразу подумала, что, если наставлю пистолет на него, остальные подчинятся. И я спасу папу, а они уйдут и больше никогда не вернутся, чтобы снова превратить обычный вечер в удушающий кошмар. Я подошла к телевизору очень спокойно, развернулась к сидящему в кресле мужчине.

— Даже не дрожишь, — заметил главарь.

На самом деле у меня внутри все тряслось от ужаса. Но я очень надеялась, что меня никто не остановит. Так и вышло, и, когда я наклонилась к ящику в тумбочке под телевизором, он лишь спросил:

— Что там, качина?

Desert Eagle, заряженный патронами «Магнум» сорок четвертого калибра, — огромный тяжелый пистолет с семью разрывными пулями, насквозь пробивающими даже металл. Пистолет, фактически не оставляющий шанса на спасение и тяжеленный настолько, что я с трудом могла достать его одной рукой.

— Ну?! — требовательный вопрос.

Я сжала рукоять, стремительно развернулась, ухватила и второй рукой и, удерживая револьвер, нацелила его на сидящего в кресле бандита. В этот момент почему-то очень огорчило то, что, если выстрелю, в мебели останется огромная дыра, и любимое папино кресло придется выкинуть... Не знаю, с чего подумала об этом, какие-то глупые мысли крутились в голове, а еще я почему-то очень тяжело дышала, и часто.

В столовой же повисла напряженная тишина. Я понятия не имею, как все они разглядели пистолет в моих руках, было достаточно темно, но они видели. И тот, что сидел в кресле, тоже все понял. Но почему-то совершенно не испугался.

Он помолчал некоторое время, затем задумчиво протянул:

— А выглядишь как цветочек.

— Я умею обращаться с оружием! — выкрикнула дрожащим голосом.

— Я вижу, — все так же спокойно произнес этот странный тип со светящимися

глазами. — Но нас здесь пятеро, еще один наверху, сумеешь справиться со всеми?

— У меня семь патронов, — и я почему-то перестала дрожать, — стреляю очень метко. И не промахиваюсь. Отец научил.

В ответ на выпаленную фразу бандит насмешливо протянул:

— Хор-р-роший отец.

— Да, — я не сводила с этого мужчины взгляда, но заметила, как шевельнулся другой, тот, что стоял у стены над лежащим папой. — Прикажите вашим людям не двигаться!

Бандит тихо рассмеялся и издевательски как-то приказал:

— Не двигайтесь, не нервнируйте суровую маленькую леди.

Мне было очень страшно, но я понимала, что нужно договориться, правильно обрисовать сложившуюся ситуацию, заставить их уйти.

И, сжимая рукоять пистолета, я сказала:

— Мне кажется, вы недооцениваете угрозу. Давайте я вам сейчас все объясню.

— Давайте, — дозволил бандит.

Судорожно облизнув пересохшие губы, я, стараясь говорить отчетливо и так, чтобы мой голос не дрожал, начала:

— Вы вломились в наш дом. Ранили папу. Угрожали ему и... Вы вломились в наш дом, если я вас застрелю, меня в суде оправдают, потому что вы...

— Вломились в ваш дом, — насмешливо произнес мужчина со светящимися глазами, перебив меня.

И вдруг, и правда как в кошмаре, он подался вперед, оказавшись неожиданно очень близко, так что дуло моего огромного пистолета уперлось в его черную рубашку, и прошептал:

— Ты неглупая девочка, более того — отчаянно смелая, я ценю это и уважаю таких противников, но, Манзи...

— Я Мадди! — возмутилась неожиданно.

— Манзи, — все так же шепотом повторил бандит. — Тебе больше подходит Манзи — цветок. Я буду называть тебя именно так. Так вот, Манзи, если ты сейчас выстрелишь, мои люди растерзают тебя, разберут по косточкам, разрежут твой живот так, что из него все вывалится на пол. Это будет грязная и отнюдь не героическая смерть. Очень не советую тебе стрелять, качина.

Я молча передернула затвор.

Глаза бандита засветились сильнее, а затем он неожиданно вновь вернулся в кресло. Но меня такой поворот событий не устраивал вовсе. Мне было важно, чтобы они ушли. Взяли и ушли и оставили нас в покое.

Подумав, я сказала:

— Вы сейчас прикажете всем вашим людям убираться вон. А потом, когда они уйдут, я выпущу вас. Вот так мы и поступим, и все останутся живы.

Ответом мне была мрачная тишина. Никто не двигался, но я расслышала глухой папин стон.

— Какая отважная куколка, — проговорил низким хриплым голосом главный бандит. Остальные молчали. Никто даже не пошевелился.

И я сорвалась, угрожающе качнула пистолетом и закричала:

— Ну! Приказывайте им! Или вам жить уже надоело, мистер?!

Он вдруг тихо рассмеялся.

Этот смех так странно прозвучал в погруженном в напряженное безмолвие доме. Странно и неестественно. И оборвался так же неожиданно.

Затем прозвучали тихие слова, изменившие всю мою жизнь:

— Ты так любишь папу, Манзи?

— Я — Мадди. Да, люблю. И маму. И сестер и братьев. Убирайтесь из нашего дома!

Но вместо этого странный бандит со светящимися глазами слегка подался вперед и спросил:

— А ты готова отдать жизнь за своего... отца, девочка?

Не задумываясь ответила:

— Да.

Но даже если бы подумала, ответ остался бы прежним.

Бандит вновь тихо рассмеялся и продолжил:

— Уверена?

— Да!

И снова раздался тихий смех, а затем он произнес:

— Есть решения, за которые нужно нести ответственность, Мадди, ты только что приняла такое решение. Я уважаю отвагу и смелость, я ценю готовность бросить вызов, поэтому твой... отец останется жив. В обмен на твою жизнь.

И он поднялся, а стоящий у стены бандит издал тихий вой, последствием которого стал сбежавший по ступеням со второго этажа шестой бандит. И они все ушли, не оглядываясь, а я все так же стояла, нацеливая на них пистолет, только руки дрожали все сильнее.

Главный же, когда его подельники вышли, остановился в дверях и повернулся ко мне. Его светящиеся глаза, казалось, прожигали меня насквозь.

Он произнес:

— Я принесу тебе подарок. В твой день рождения. Не приглашай гостей, Манзи.

— Я — Мадди! — снова сорвалась на крик.

Вихо — я позже узнала его имя — рассмеялся и вышел.

А после того, как они ушли, после вызванной мной «Скорой помощи» и того, как мама с папой вернулись из больницы, после ухода полиции, отец собрал нас всех в гостиной, мы как-то не могли больше даже входить в столовую, и рассказал обо всем. О месте, где родился, об оборотнях, о полукровках и отношении к ним, о том, как бежал, и о том, что ворвавшиеся к нам в дом не были людьми, и папа не знает, как они его нашли. В это все было сложно поверить, почти невозможно. Но на следующий день в моей жизни появились они — Меченный Дик, Бешеный Стэн и Внимательный Грейк. Нет, сначала я не знала их имен, да и присутствия не заметила, просто, когда у меня сломался велик, Дик не дал мне упасть, молча придерживав. А потом исчез, затерявшись в толпе. Когда несколько месяцев спустя в магазин, где я покупала чипсы, вбежал грабитель с оружием в руках, двое неприметных мужчин, возникших словно ниоткуда, внезапно эти самые руки ему оторвали и скрылись так же быстро, как появились...

* * *

Громкий гудок сообщил о прибытии поезда. Пассажиры засуетились, потянулись к перрону, какие-то мальчишки устроили перепалку в схватке за чужие чемоданы,

возможности их поднести и заработать пару долларов. И только здесь, на террасе для VIP-персон, все так же царило спокойствие и умиротворение — сильные мира сего точно знали, что без них никто никуда не уедет. Я к богатым и властным не относилась, поэтому по привычке поднялась, чтобы пройти на перрон.

— Рано еще, — остановил меня Дик.

Не став садиться обратно, подошла к ограждению — отсюда, с высоты, весь перрон был виден как на ладони. Я привычно отыскала в толпе Грейка, как и всегда определив его по взгляду, а затем, повинувшись странному чувству, резко повернула голову и наткнулась на внимательный, какой-то слишком внимательный взгляд молодого мужчины с медными волосами, которые последний частично скрывал под кепкой. Это был крайне неприметный мужчина, которого я бы точно не заметила бы, не посмотри он на меня. Но теперь настала моя очередь его рассматривать. Мужчина был широкоплеч, хотя такой же жилистый, как, к примеру, Дик, и он... он вдруг быстро посмотрел влево, и, невольно проследив за его взглядом, я заметила еще одного рыжего, на этот раз в явно дорогом костюме и с волосами, собранными в хвост. Мужчина неторопливо двигался по направлению к перрону. Повинуясь какому-то странному чувству, я внимательнее оглядела террасу — еще один медноволосый тип с ярко-синими глазами делал вид, что увлеченно читает газету. Он был невысок, но плечи внушительным разворотом могли сделать честь любому бодибилдеру.

И мне стало до крайности интересно, что же здесь происходит.

Внезапно ко мне подошел Дик и ненавязчиво встал справа, почти так же словно совершенно случайно слева оказался Бешеный Стэн. Глубоко затянувшись, он выпустил дым и произнес:

— Что-то здесь слишком много койотов.

— Я заметил, — ответил ему Дик.

— Как бы не случилось чего. — Стэн снова затянулся.

— Не посмеют, с Вихо не связываются.

Перевод этого слова «вихо» я уже знала — главный. И мне также было известно, что с ним действительно никогда не связываются, а я в принципе оказалась единственной, кто когда-либо наставлял на него оружие.

— Это кайоты, — с нажимом произнес Стэн, — им Вихо не указ.

— Независимое положение еще не повод, да и мы с ними дел не имеем, как и они с нами. — Дик все же нервничал.

— То есть эти рыжие — койоты? — спросила я.

Мрачно глянув, оба оборотня не ответили. Дик, как главный в группе, достал телефон и, набрав сообщение, отправил. И как-то успокоился. Постоял, глядя на поезд, потом перевел взгляд на горизонт. Я с нескрываемым любопытством наблюдала за ним.

Плимкнуло входящее сообщение.

Дик поднял телефон, прочел и... Мне не доводилось ранее видеть даже частичной трансформации у оборотней, сейчас же я отчетливо разглядела, как ногти на мужских пальцах удлиняются, Стэн оскалился и зарычал. В этот момент через ограждение на террасе одним махом перескочил Внимательный Грейк, который вообще подошел ко мне впервые, я его раньше только издали видела. Он приблизился вплотную, как-то неодобрительно глянул на мой рюкзак, словно тот был в чем-то виноват, и проговорил:

— Койоты. Четверо.

Дик выдохнул, словно успокоился, спросил:

— Наших сколько?

«Наших» было трое, насколько я знала, ну, я четвертая.

Но ответ Грейка удивил:

— Двенадцать, не считая нас, Вихо позаботился о безопасности.

— Вихо не предупредил нас. — Стэн, казалось, пришел в бешенство. — Ты узнал новости?

Грейк повторил уже сказанное Диком:

— Они нападут. Кровная месть. Вихо не ожидал, что решатся. Никто не ожидал. Это открытое объявление войны.

— Ребят, что происходит? — От всех этих шпионских игр почему-то разбирал смех.

Но эти типы снова полностью проигнорировали меня. Я же посмотрела на того медноволосого, что сидел на террасе для богатых, и оказалось, что мужчина со спокойной усмешкой смотрит на меня. Наши взгляды встретились. Койот неожиданно подмигнул. Я улыбнулась в ответ. Он заметно удивился, улыбнулся тоже. Надо же, мне и улыбнулись, за все дни путешествия сюда первая улыбка, да еще и какая-то теплая, словно мужик хотел сказать, что, мол, не волнуйся, все будет круто.

— Здесь есть частный аэропорт, — проговорил Стэн.

— Вихо приказал держать приезд Манзи в тайне, — как-то не очень уверенно произнес Дик.

— Вихо допустил утечку! — прорычал Стэн.

— Я Мадди, ребята, — без особого энтузиазма напомнила. — Для вас всех Маделин.

Полный игнор как и всегда. Снова глянула на койота. Тот пристально следил за каждым моим движением.

На телефон Дика пришло второе сообщение. Тот прочел, тихо выругался и хрипло произнес:

— Им нужна Манзи.

Серьезно? Снова глянула на койота. Тот мне безмятежно улыбался.

Дик же продолжил:

— Вихо прислал свой самолет и личную охрану.

Честно говоря, я уже даже не интересовалась, откуда у бандита столько денег, как-то привыкла, что у главного оборотня их много, настолько много, что моим подарком на шестнадцатилетие был дорогой автомобиль, стоявший дорожке дома моих родителей.

— Уходим. — Стэн выкинул окурок и не стал зажигать другую сигару.

Дик молча расстегнул куртку, открывая кобуру с пистолетом, Грейк плавно двинулся вперед.

Тогда-то все и началось!

В единый миг на станцию налетел сухой обжигающе-горячий, полный раскаленного песка ветер, превратив существующий порядок в полный криков и испуга хаос! И все смешалось! Меня отшвырнули на пол, и последнее, что я увидела перед падением, как к нам прыгнул, опрокинув столик, тот самый подмигнувший мне медноволосый, а его отбросил одним ударом внезапно ставший неестественно сутулым Стэн.

Послышались женские крики, я, вынужденная жмуриться из-за песка, чуть приоткрыла ресницы и увидела то, от чего мгновенно появилось желание закрыть глаза снова и вообще никогда не видеть этого кошмара! На террасе сражались оборотни! Реальные оборотни! В частичной трансформации! Оскаленные волчьи морды, мускулистые человеческие торсы,

покрытые густой шерстью, ветер, китайским драконом вьющийся среди бойцов, семеро серых волков и трое красно-кирпичных койотов, которые прорывались к лежащей на полу и прижимающей к груди свой объемный рюкзак мне. В первый миг я не поняла, откуда взялись другие волки, потом осознала — те богатые культуристы, что изображали из себя обычных пассажиров, тоже оказались людьми Вихо. И я уже хотела вновь зажмуриться, как на террасу запрыгнул молодой мужчина в джинсах, кроссовках и обтянувшей его спортивный торс майке. Он не трансформировался, не принимал никаких боевых стоек, но походя, словно не обращая на сражающихся никакого внимания, раскидал всех на пути ко мне, подошел, наклонился, схватил за шиворот и попытался поднять, попутно отбирая единственное, что осталось моего.

— Рюкзак не отдам! — почему-то закричала я.

Мужчина вопросительно вскинул бровь. Ладонью отмахнулся от пули, выпущенной все же добравшимся до пистолета Диком, схватил меня и швырнул на руки тому, кто еще всего несколько секунд назад ободряюще мне улыбался. И вот уже этот оборотень, перекинув меня через плечо, через другое перекинул мой рюкзак и понесся прочь, на ходу обращая трансформацию вспять. То есть перекинули меня через волосатое, с шерстью в палец длиной, плечо, а уже через минуту оно оказалось совершенно обычным, просто принадлежало очень мускулистому человеку, который как раз перепрыгивал через забор, ограждающий станцию.

— Осторожнее! — подскочив и ударившись животом о его плечо в процессе прыжка, воскликнула я.

— Извини, малышка, уже почти добежали! — крикнул он.

А мне вдруг стало неожиданно приятно — подручные Вихо не считали нужным мне отвечать в принципе. Поэтому я и ответила вполне дружелюбно:

— Ничего, я потерплю.

Оборотень резко остановился. Перекинул меня наперед, подержал перед собой на вытянутых руках, с нескрываемым удивлением вглядываясь в мое лицо, и вдруг спросил:

— И не боишься?

— Почему-то нет. — Кто бы мне сказал, почему я еще и улыбалась вовсю.

И тут к нам, стоявшим на пустыре, подъехал огромный черный джип. Дверь распахнулась, и оттуда раздалось раздраженное:

— В машину.

Оборотень, извиняясь, улыбнулся и аккуратно усадил меня на заднее сиденье. На колени бережно уложил мой рюкзак, после запрыгнул сам. И еще до того, как захлопнул дверцу, на город налетел жуткий песчаный вихрь, который, как ни странно, совершенно не помешал моим похитителям сорваться с места и помчаться неизвестно куда, потому как я лично через лобовое стекло ничего не видела, кроме, собственно, песка. Поэтому я начала разглядывать похитивших меня оборотней — их оказалось всего четверо, двое сидели впереди, двое сзади, ну, и я между ними. Тесно не было, машина оказалась довольно просторная, вот только ехала очень быстро, и меня подбрасывало на каждом ухабе, что свидетельствовало о нашем движении вовсе не по дороге, но ремней безопасности тут не оказалось, пристегнуться было нечем. Похитители мои зализывали раны, не в буквальном смысле, а просто вытирали кровь салфетками, сидящий впереди и вовсе бинтовал себе руку, и только водитель, который и прыгнул на террасу последним, и раскидал всех, выглядел совершенно невредимым.

Он же первый и заговорил со мной:

— Не кричать. Не истерить. Не сопротивляться. Будешь вести себя хорошо — тебя никто не тронет.

Странно, но у меня лично создалось впечатление, что он тут единственный, кто враждебно ко мне отнесся, остальные просто заинтересованно поглядывали и даже ободряюще улыбались. И потому я как-то неожиданно даже для себя спросила:

— А если не буду вести себя хорошо, тогда что?

В мчавшейся машине повисло молчание. Напряженное молчание. Мне же действительно было очень интересно узнать, чем эти оборотни угрожать будут. Вот, к примеру, Вихо угрожать умел так, что после этого я была согласна на все, абсолютно на все, вены сама себе готова была вскрыть, смотреть на то, как капает кровь, и очень этому радоваться, а тут что? Оказалось, что ничего. То есть оборотни как-то все начали отводить глаза, а водитель, скрипнув зубами, глянул на меня в зеркало заднего вида и прорычал:

— Пожалеешь!

Тут я уже просто не могла не спросить:

— Простите, как именно пожелаю?

Водитель ударил по тормозам. Я решила, что это он от злости, но нет — как оказалось, это мы сбили какого-то оборотня, а вот добивать его койот не стал, крутанув руль, ушел вправо, после чего газанул, помчавшись втрое быстрее, да так, что меня вдавило в сиденье.

И тут сидящий рядом со мной оборотень, который и нес меня до машины, вдруг спросил:

— Пить будешь?

Я с сомнением поглядела на него, так как пить в быстро едущей машине несколько затруднительно вообще-то.

— Ты за полдня на жаре выпила едва ли половину бутылки, к тому же она у тебя явно отвратительно теплая. Пить будешь? Есть яблочный сок, апельсиновый, кола, вода. Я — Кел.

— М-м-мадди, — представилась, вцепившись в рюкзак на очередном подкинувшем вверх ухабе. — Апельсиновый сок, если можно.

Поймала на себе еще один неприязненный взгляд водителя машины, потом проследила за тем, как Кел наклонился вперед, открыл холодильный ящик, покопавшись в запотевших от холода бутылках, достал апельсиновый сок. Я с радостью ухватила обеими ладонями за холодненькое, день и правда был жарким.

— Давай рюкзак в багажник закину? — предложил Кел. — Нам еще долго ехать.

Я подумала и нехотя согласилась — рюкзак полетел назад, возглавив кучу каких-то свертков и сумок. Сок оказался сладким, Кел дал мне трубочку, так что и в мчащейся машине можно было пить спокойно — я выдула все до дна, пустую банку отдала Келу.

А потом зазвонил неожиданно мой телефон. Музыка из фильма «Реквием по мечте» неестественно жутко прозвучала в несущейся на полной скорости машине. Обратни разом посмотрели на меня, а водитель приказал:

— Включи громкую связь.

Как будто он уже знал, кто звонил. Я достала телефон из кармана, ответила на вызов и включила динамик. В машине раздался пробирающий до дрожи низкий хриплый голос:

— Манзи, куколка моя нежная, передай трубку Роутегу.

Водитель бросил взгляд на меня, кивнул Келу, тот взяв трубку у меня, поднес ее ближе, тот, чье имя, как выяснилось, Роутег, произнес:

— Я слушаю.

Это он приуменьшил, и сильно — слушали тут все. Мне особенно было интересно, о чем пойдет разговор. И он пошел. Он так пошел, что дурно стало!

— Роу, ты думаешь, что сумел мне отомстить? Или решил, что у меня настолько мало девок, что я буду сожалеть об очередной подстилке?

Я вздрогнула от омерзения, накатившей обреченности и ощущения, что меня макнули в грязь. Так противно стало. Нет, я ничего хорошего не ждала от Вихо, но чтобы так... Глянула в зеркало заднего вида и увидела, как широко и откровенно издевательски усмехнулся Роутег. Усмехнулся и промолчал. Это молчание являлось словно еще одним вызовом Вихо, и тот был вынужден оскорбление проглотить.

Не просто проглотить, но и сменить тон, произнесся значительно мягче:

— Она всего лишь девчонка, Роутег. Испуганная маленькая девочка, которую ты втягиваешь в мужские разборки. Верни ее, и давай поговорим.

То есть теперь мы начали давить на иное.

Но Роутег, продолжая вести машину, лишь улыбнулся. И промолчал. И это уже стало пощечиной тому, кто не привык к подобному отношению вовсе.

— Ты хочешь войны, огонь? Ты ее получишь в полном объеме! Все знают, что бывает с теми, кто бросает мне вызов!

Еще одна усмешка водителя мчащегося автомобиля. Причем он усмехнулся, а мне от тона Вихо стало вовсе не по себе. И да — Роутег промолчал. Снова издевательски промолчал. А вот Вихо не выдержал и, уже не сдерживаясь, проорал:

— Если с ее головы упадет хоть один волос... Если ты ее тронешь хоть пальцем... Если... Я вырежу весь ваш клан, истэка, я выпущу кишки новорожденным детям, я оставлю тела ваших женщин ветру и птицам, я...

Роутег молча взял и выключил телефон. После чего опустил стекло, выбросил айфон, поднял стекло и продолжил путь.

Пораженная, я осталась сидеть, молча глядя вперед, где ничего, кроме песка, видно не было. Подумала, говорить или не стоит, решила все же сказать:

— Я бы прислушалась к словам Вихо.

Ответом мне было молчание и очередной неприязненный взгляд явно невзлюбившего меня водителя. Но он же через минуту холодно спросил:

— Что ты знаешь о клане степных койотов, Манзи?

— Маделин! — резко поправила я.

Насмешливый взгляд вместо ответа.

Кел, успокаивающе похлопав меня по коленке, задумчиво сказал:

— Представляю, как бесится сейчас Вихо.

И больше никто ничего не произнес.

Мы ехали, ехали, ехали... Сначала через песчаную бурю, затем по дороге между буйно растущей зеленью, потом прямо по степи, после по песку, какими-то замысловатыми зигзагами, в итоге я заснула.

Не знаю, сколько спала, проснулась от того, что машина снова подпрыгнула на каком-то ухабе. Открыв глаза, обнаружила, что во сне прилегла на колени Роутега, которого сменил за рулем второй сидящий на заднем сиденье оборотень, сам Роутег не отстранялся, но взглянул так брезгливо, что я мгновенно поднялась, посидела еще немного, почувствовала, как вновь смыкаются веки, и привалилась к плечу Кела.

— Спи-спи. — Он погладил по волосам.

Я же обнаружила, что меня даже укрыли, и вот ни секунды не сомневаюсь в том, кто позаботился.

— Спасибо, Кел, — прошептала, вновь засыпая.

Понятия не имею, сколько еще времени мы ехали, перед тем как машина, наконец, остановилась. И я уже хотела подняться, как мужчины заговорили между собой на непонятном мне языке, и из всего сказанного я уловила лишь «Вихо».

После меня попытались взять на руки.

— Не надо, я уже проснулась.

Села, потерла глаза, поправила волосы. Все сидели молча и ждали, пока я окончательно приду в себя.

— Все, норм, — заверила их.

Только тогда двери открылись. Роутег вышел, протянул мне руку. Но я уже знала, что с оборотнями лучше в принципе слабость не демонстрировать, поэтому вылезла сама.

И попала в сказку.

Это был сказочно уютный, невероятно чистый городок — оазис посреди пустыни, которая простиралась куда ни глянь вокруг. Белые, обшитые деревянными досками домики с красными черепичными крышами, чистые, но словно из песка, дороги без намека на асфальт, повсюду деревья и зелень, деревянные террасы с белыми креслами-качалками, на которых так и тянуло посидеть и покачаться, глядя на горизонт, на севере за городком озеро, окруженное лесочком, фонтаны, гуляющие по лужайкам перед домами павлины... Красота!

Восторг от увиденного испортил Роутег, мрачно заявив:

— Слушай меня внимательно, Манзи.

— Маделин! — мгновенно разозлившись, поправила я.

Развернувшись, встретила хищный стальной взгляд, выдержала его, не опустив глаза.

— Хо-ро-шо, — глядя на меня, четко, по слогам, произнес он. — Слушай меня внимательно, девка Вихо.

Я дар речи потеряла. Оборотень же удовлетворенно кивнул, явно довольный тем, что ответа не последовало, и продолжил:

— Это изолированная территория — дюны, что ты видишь вокруг, не просто пустыня — зыбучие пески. Не знающий об очень узкой тропинке между ними гарантированно погибает. Мне доводилось видеть, как беглецы тонули в песке в нескольких метрах от преследующего отряда. Не буду говорить о том, что помочь таким идиотам нет никакой возможности. Повторяю, девка Вихо, выйдешь за пределы города — сдохнешь. Ясно?

Я молча смотрела на него.

Роутег повернулся к городу и продолжил:

— В остальном можешь делать все, что тебе вздумается, ты здесь навечно.

После всего услышанного город несколько утратил в плане привлекательности. Но это не значит, что я от расстройства лишилась практического подхода к жизни.

— Где я буду жить? — поинтересовалась у оборотня.

Роутег скривился. Так скривился, как даже от лимона не кривятся. Затем взглянул в мои глаза, и... что-то в выражении его собственных глаз вдруг изменилось. Вообще, он вел себя достаточно типично для оборотня, в смысле, грубо и брезгливо по отношению ко мне, но я уже привыкла — по крайней мере, мои сторожа вели себя примерно так же, но вот то, как изменился вдруг его взгляд... Взгляд этого оборотня как-то отдаленно напомнил мне взгляд Вихо. Причем глаза у них были совершенно разные — у Вихо они серовато-карие,

окрашивающиеся желтоватым сиянием в полумраке или темноте, и они особо не выделяются на фоне загорелого, с жесткими чертами лица. Глаза Роутега были совершенно другими — серебристо-серые, с черной каймой по краю радужки, они являлись первым, что привлекало внимание на его открытом лице. Пожалуй, из всех оборотней, что мне довелось повстречать, Роутег чисто внешне понравился мне больше всех. В нем подкупало все: и открытый честный взор, и красивое лицо без печати превосходства и явного презрения к человеческому роду, и пропорциональная спортивная фигура с рельефной, но не перекаченной мускулатурой, и горделиво-ровная осанка без угрожающей сутулости...

В общем и целом он бы мне понравился, даже несмотря на отношение собственно ко мне, потому что ко мне все они относились одинаково, это уже даже не обижало и не напрягало. А вот то, как он вдруг начал смотреть на меня, заставило испытать неосознанную смутную тревогу. Оборотень смотрел исключительно в глаза — пытливо, внимательно, оценивающе. Но при этом весь его облик словно говорил о том, что Роутег безумно, бесконечно и абсолютно недоволен увиденным.

— Я вам не нравлюсь? — спросила прямо.

В принципе, не видела особого смысла молчать.

Роутег скривился снова. Затем нехотя произнес:

— Ты осознала, что бежать не имеет смысла?

Вообще странный вопрос. Более того — буду откровенна, возможность сгинуть в зыбучих песках пугала меня куда меньше, чем Вихо, так что сбегать я не стала бы в любом случае. Но в следующий миг до меня неожиданно дошло — Роутег приказал остановиться здесь и терпеливо ждал, пока я проснусь, только для того, чтобы внушить мне мысль о невозможности побега?! Seriously?!

Несколько обалдев от осознания случившегося, я уже хотела было ответить, что таки да, все поняла, осознала, впечатлилась и бежать не планирую в принципе, но... Роутег, напряженный, чем-то крайне разгневанный и судорожно о чем-то раздумывающий, вызывал непреодолимое желание позлить его. Такое основательно непреодолимое, что я не удержалась и с самыми невинными глазами шепотом переспросила:

— То есть мне не бежать?

— Нет! — отрезал он.

— Что, серьезно? — притворно изумилась я.

До оборотня дошло, что над ним банально измываются, но вместо грубости или запугивания Роутег неожиданно улыбнулся. Это была мимолетная улыбка, очень теплая и открытая... Но так продолжалось лишь мгновение. Одно очень краткое мгновение... В следующий миг его взгляд заледенел, черты лица хищно заострились, и оборотень насмешливо произнес:

— Хорошая попытка убогого флирта. С Вихо так же контакт налаживала? Залезай в машину.

Я изумленно посмотрела на него, откровенно не понимая — он это серьезно? Он серьезно подумал, что я с ним флиртую?! Глянула на остальных, оборотни отводили взгляды, но, судя по ухмылкам, решили так же, как и Роутег. Это вообще как? Почувствовала я себя премерзко. Неприятно, когда несправедливо обвиняют черт знает в чем, еще неприятнее, когда о тебе вот так вот думают, причем совершенно откровенно и не пытаюсь даже соблюсти малейшие законы приличия и скрыть собственное мнение.

— Поживешь пока в моем доме, — насмешливо и с презрением глядя на меня, произнес

Роутег, — раз я НАСТОЛЬКО тебе понравился.

Что?!

— Ты мне не нравишься! — разъяренно проговорила я, испытывая дикое желание развернуться и уйти.

К слову, мысль о гибели в песках неожиданно начала казаться до безумия привлекательной.

Роутег усмехнулся и издевательски поинтересовался:

— Зачем же столь явно лгать, Маделин? Несколько мгновений назад ты вполне откровенно и с явным интересом меня разглядывала.

Что? Я... Щеки запылали, и это стало последней каплей в чаше моего унижения. Понимая, что здесь никому и ничего не докажешь, я решила просто уйти.

— Было очень неприятно пообщаться, мальчики, — с трудом выговорила я. — Спасибо, что похитили и все такое, но вот дальше продолжать наше общение у меня лично нет никакого желания. Отдельное спасибо некоторым излишне самовлюбленным за милостивое предложение пожить под его гостеприимной крышей, но я как-нибудь обойдусь. Лучше поживу пока на улице, благо тепло и не зима, или найду себе работу и смогу снять жилье.

С этими словами я повернулась к машине, залезла в нее, достала рюкзак, раскрыла, из него вытащила кепку, бутылку с водой. Кепку надела, бутылку просто взяла, рюкзак привычно перекинула за спину и потопала с пригорка к сказочно красивому городу, возвращая ощущение волшебства и праздника в душе.

Жаль, с возвращением ощущения праздника не вышло, потому как позади раздалось:

— Склонность человеческих самок к театральным выпадам — это нечто.

И это произнес кто-то из тех двух оборотней, которые в машине не разговаривали. То есть еще и эти!

— Роутег, ты их лучше знаешь, чего это она? — спросил второй из ранее молчащих.

И главное, они совершенно, вот вообще не пытались говорить тихо, отчетливо понимая, что я все слышу.

— Играет в оскорбленную невинность, — с нехилой долей презрения ответил Роутег.

Я споткнулась. Остановилась, борясь с неистовым желанием вернуться и как минимум дать в морду. Потом поняла, что смысла нет — что бы я сейчас ни сказала, как бы ни поступила, эти все вывернут по-своему, у них ведь уже имелось на счет меня свое непоколебимое мнение. Обидно до слез. Обидно и горько. Да, Роутег мне понравился, просто симпатичный и приятный на вид, так что да, понравился, как человек... в смысле — оборотень. Не более. Какого он вообще все извратил? В общем, приятное поначалу похищение превратилось в очередное испытание для моей психики. Нет, я все понимаю, у них явно счеты к Вихо, но я-то тут при чем? У меня к нему тоже счетов хватает... а впрочем, какое им всем дело до этого.

Тяжело вздохнув, я вскинула подбородок, расправила плечи и постаралась выбросить из головы все мысли об оборотнях. В конце концов, мне как-то обустроиваться нужно, а не размышлять обо всяких с их ошибочными суждениями. Не уверена, что я в этом городке надолго, а зная Вихо, не приходится даже сомневаться, что он меня и тут достанет, но по факту сама мысль, что я его сегодня не увижу, безумно радовала.

И тут я остановилась и неожиданно совершенно четко осознала — я сегодня Вихо не увижу! Боже, в это было так трудно поверить. Трудно, но до чего же приятно осознавать, что моя жизнь еще продолжается! Это все равно что неожиданно получить отсрочку перед

казнью! И несмотря ни на что, видит небо, как же я благодарна моим похитителям за эту передышку. Безмерно просто.

И я продолжила идти вниз по склону.

* * *

До города я спустилась минут за двадцать, и тут же мне навстречу выскочили собаки, рыжевато-серые, с умными остренькими мордочками, большими ушками и вообще забавные такие. Я остановилась, с интересом глядя на эту стаю, и уже когда налетели, начали обнюхивать, вспомнила, что, кажется, это как раз не собаки, а койоты. Протянула ладонь, погладила ближайшего — зверь зарычал, а потом неожиданно лизнул руку — так и познакомились. Затем вся стайка вокруг меня запрыгала, затанцевала, а после умчалась обратно в кусты и побежала, кажется, по параллельной улице. Я же решительно направилась к главной, благоразумно предположив, что именно здесь должны быть магазины, ресторанчики и тому подобные заведения, в которых я гарантированно смогу найти себе работу, а может, даже и жилье.

Городок и вблизи не терял сказочного очарования — очень уж был чистый, выбеленный и в целом невероятно уютный. Я прошла мимо явно административного здания, перед которым переливался и журчал круглый фонтан, прошла дальше, пока не узнала в третьем от начала города здании магазин, по крайней мере, витрина и масса выставленных в ней товаров недвусмысленно на это намекали.

Свернув с залитой солнцем дороги, я поднялась на порог, толкнула дверь, которая тут же отреагировала звякнувшим колокольчиком, и на звук из глубины лавки раздалось:

— Да-да, уже иду.

Я осторожно вошла в прохладное помещение, где тихо гудел кондиционер, оглядела странный магазин. Почему странный — я вовсе не увидела кассового аппарата. То есть тут имелась торговая стойка, огромные холодильники с напитками, молочными продуктами, яйцами, соками и прочим, стеллажи с крупами и другими товарами, а вот кассового аппарата не было...

И вдруг послышался топот ножек по ступеням, дверца со звоном колокольчика распахнулась, и в магазинчик вбежала маленькая рыжеватая девочка, крикнув с порога:

— Бабушка, в городе чужой! Ой... — заметила она меня.

— Привет, — сказала я, с интересом разглядывая ее короткое потертое платье с бахромой, пошитое, кажется, из кожи.

— Ой, — повторила малышка еще раз, пятясь к двери. — Ой-ой...

Из двери, ведущей в служебное помещение, вышла высокая седая женщина, в длинном платье, тоже с бахромой и, кажется, тоже кожаном, с прической, собранной в небрежный пучок, и передником, в котором словно что-то раскладывала. Она подняла голову, увидела меня и удивленно остановилась. То есть совершенно остановилась, без какого-либо движения, только крылья носа трепетали, выдавая тот факт, что оборотень улавливает мой запах. Я же с интересом смотрела на нее: говоря откровенно, впервые вижу женщину-оборотня так близко и без очков. Те, что доводилось видеть ранее, глаза обычно прятали.

— Добрый день, — вежливо поздоровалась я.

Женщина все так же молчала, пришлось продолжить:

— Меня зовут Мадди, я в городе впервые, ищу работу и место для ночлега, умею делать практически все, что не умею — быстро научусь. Может, вам нужны помощники, или вы знаете кого-нибудь, кому понадобились бы расторопные и исполнительные работники?

Она выдохнула, затем посмотрела куда-то за меня.

Я, соответственно, тоже обернулась — за мной с самым скептически-раздраженным выражением лица стоял Роутег, который каким-то образом вошел, не потревожив колокольчик на двери. Оборотень, не глядя на меня, мрачно произнес:

— Уна, ты свободна.

И эта седовласая женщина, низко поклонившись, ответила:

— Да, Повелитель.

Повелитель... «Повелитель»?! Я не ослышалась?! Она сказала «повелитель»?! Что, серьезно? Нет, я уже как-то смирилась с тем, что Вихо у оборотней что-то вроде криминального босса мафии годов так тридцатых, впрочем, и называли они его босс, только на свой манер, собственно, поэтому он и Вихо, но «повелитель» — это уже как-то за гранью реальности. Или у мужика настолько проблемы с самовлюбленностью, что граничат уже с идиотизмом.

Я потрясенно посмотрела на Роутега, недоуменно покачала головой и уже хотела сказать, что он странный, как «повелитель» меня опередил, выдав:

— Ты показала свой нрав достаточно. Возвращайся в автомобиль, ты едешь в мой дом.

Да неужели?!

— Извините, не могу, — нервно ответила я, а затем язвительно добавила: — Боюсь, вы мне НАСТОЛЬКО понравились, что я на вас начну бросаться с недвусмысленными предложениями и навязчивым флиртом. А потом даже дойдет до страшного, и я начну вам глазки строить!

Роутег усмехнулся и издевательски ответил:

— Ничего, переживу.

Я задохнулась возмущением. Но ничего, вдох-выдох, и, старательно сдерживаясь, проговорила:

— Уважаемый самовлюбленный до немыслимой крайности «повелитель», я бесконечно благодарна вам за участие, но с преогромным удовольствием избавила бы себя от столь сомнительного удовольствия, как проживание в вашем доме.

Оборотень в ответ на мою тираду улыбнулся. Широко, насмешливо и да, явно издевательски.

Тут дверь снова открылась и вошел Кел. Посмотрел на меня, на Роутега, снова на меня и лично мне осторожно сказал:

— Маделин, возможно, ты обиделась...

Возможно?! Только возможно, да?!

Но Кел продолжил, не обратив внимания на мое негодование:

— Но ты добыча Роутега, так что обеспечивать твою безопасность и надобности обязан он, ну... — Парень неожиданно посмотрел мне в глаза и добавил: — Или могу я.

В смысле?!

— Сделать тебе подарок? — со смешком спросил Роутег.

Кел просиял улыбкой и кивнул. Повелитель усмехнулся, затем произнес:

— Если она согласна, я возражать не буду.

С этими словами оба посмотрели на меня. Вопросительно-издевательски Роутег и

откровенно, с явной надеждой, Кел. Мило очень, да. Вот только крайне заинтересовал один момент:

— И что конкретно входит в обеспечение моих надобностей?

Кел неожиданно замялся. Взгляд отвел, как-то явно ища поддержки, глянул на Роутега. Тот, ослабившись, выдал:

— Я ей понравился явно больше. К тому же, сам понимаешь, я рангом повыше, что для таких девочек является решающим фактором. Ставлю байк на то, что в мою постель она прыгнет уже сегодня.

Сжав удерживаемую в руке бутылку так, что хруст раздался на весь магазин, я с трудом справилась с желанием все-таки съездить «повелителю» по морде. Погордилась собственной выдержкой, натренированной за последние шесть лет, и произнесла ледяным тоном:

— Ребят, тут, видимо, кто-то что-то не до конца понимает, и мне придется объяснить. Так вот, да, я девка Вихо, и это факт. И рано или поздно, Вихо меня вернет. Вы осознаете, что будет с тем, кто рискнет попользоваться моим телом?!

Роутег мгновенно перестал улыбаться. На его лице словно судорогой промелькнула ярость. Затем подошел ко мне и произнес, глядя с нескрываемым презрением:

— Так говоришь, он расстроится, если я попользуюсь твоим телом? Звучит заманчиво.

Полностью повторив и его взгляд, и его позу, его же тоном ответила:

— Я думаю, он скорее разозлится, причем до такой степени, что разделает тебя на ремни для собственных брюк.

Роутег усмехнулся, выпрямился, вернул себе то же иронично-насмешливое настроение и устало ответил:

— Это вряд ли. Идем.

Мне лично вовсе не хотелось идти за ним, но, похоже, выбора особо не было. Уна так и не вернулась, а учитывая звание этого «повелителя», меня без его позволения явно нигде на работу не примут — к сожалению, у оборотней царит полное и абсолютное подчинение главарю. От всей ситуации стало гадко.

Автомобиль ждал нас у порога. Роутег галантно открыл заднюю дверцу и захлопнул, едва я села.

Сам сел за руль. В машине, кроме нас, уже никого не было.

«Повелитель» быстро промчался по главной улице, совершенно безлюдной кстати, я урюмо смотрела в окно, подмечая по ходу движения магазины, магазинчики, лавочки, пекарню и в ней заметила веселую улыбчивую девчонку, приветливо махнувшую мне рукой, лавку мясника с худощавым высоким мужчиной, который разделявал мясо, потом несколько книжных магазинов и магазинов с видеодисками, потом Роутег свернул и притормозил перед фонтаном, который переливался высокими струями в центре голубого бассейна в форме индейского символа орла.

Обогнув водоем, Роутег повернул к дому... Белоснежное здание в колониальном стиле с шестью белыми колоннами на террасе утопало в зелени сада. К нему тянулась ровная дорога меж стриженной густой травы, удивляли объемными стволами величественные деревья, манил тенью и обещанием отдыха сад...

— Я редко бываю в этом доме, — произнес Роутег, не оборачиваясь и снижая скорость.

— Это вы сейчас к чему сказали? Намекаете, что я не смогу активно бегать за вами? — не скрывая сарказма, поинтересовалась я.

Оборотень прекрасно видел, что я злюсь, но, все так же издевательски улыбаясь,

ответил:

— Не переживай, малышка, у тебя будет достаточно времени, чтобы попытаться меня охмурить. Сомневаюсь, что получится, я все же предпочитаю менее меркантильных девушек, пусть даже и человек, но попытаться сможешь.

И он остановился. Затем, все так же посмеиваясь, вышел из автомобиля, обошел его, открыл дверцу для меня. Совершенно спокойно встретил мой гневный взгляд, протянул руку. Не имея ни малейшего желания прикоснуться к оборотню, я выбралась из машины сама, рывком забрала рюкзак с заднего сиденья.

— Тяжелый? — поинтересовался Роутег.

— Не переживайте, у меня достаточно сил и для того, чтобы его понести, и на беготную за вами останутся!

Он расхохотался и пошел вперед по дорожке к дому.

Едва поднялись на террасу, оборотень произнес:

— Выберешь себе любую спальню на втором этаже. Дом в твоём распоряжении, весь, кроме моего кабинета. Продукты привезет Кел, если что-то понадобится — электрокар в гараже, лавки найдешь сама. Передвижение по городу со скоростью не выше двадцати пяти миль в час — здесь много детей. Через двенадцать дней наступит Ночь весенних песен, в это время вводится комендантский час, так что после заката носа из дому не высовывать.

Он остановился перед дверью, повернулся ко мне. Собственно, именно это помешало испепелить гневным взглядом спину оборотня. Нет, я, конечно, была благодарна за похищение, но вот все остальное было явным перебором. Роутег улыбнулся, явно потешаясь над моим гневом, затем произнес:

— На дверь посмотри.

Я посмотрела — нормальная такая себе дверь, с ручкой, но совершенно без замка или там отверстия для ключа... да даже электронного замка не было. Или тут вообще без замков обходятся?

Оказалось, что нет.

— Здесь уникальная система распознавания тех, кому разрешен вход. Дай руку, — произнес оборотень. — Нужен отпечаток твоей ладони.

Отпечаток так отпечаток.

Я перекинула рюкзак на другое плечо, вытерла ладонь о джинсы, протянула Роутегу.

Он протянул свою ладонь, прикоснулся пальцами к моей коже и... и тут что-то пошло не так. Что-то как-то совершенно пошло не так!

И я не просто поняла это — я почувствовала, потому что от прикосновения его пальцев к моим у меня сжалось сердце. Всего на миг сжалось, уже в следующий оно неистово забилось, а вот у Роутега, кажется, нет. Оборотень замер, сузив глаза, тяжело дыша и сжав губы так сильно, что они побелели. А взгляд, который в упор был направлен на мои глаза, словно заледенел. И столько в нем было ненависти, что мое сердце повторно перестало биться. А затем накатило привычное недоумение — за что? За что они все настолько меня ненавидят?! Что Дик, Стэн и Грейг, что вот теперь эти нелюди. Мне всего двадцать лет, я в жизни своей не совершила ничего плохого. За что столько ненависти и презрения?

Тяжело вздохнув, опустила глаза, постояла несколько секунд, успокаиваясь. Мерзко, конечно, быть по жизни без вины виноватой, мерзко чувствовать себя жертвой, но хуже всего то, что я ничего не могу с этим сделать. Переубедить кого-то в чем-то? Какой смысл? Люди Вихо ненавидят меня за то, что их главный решил сохранить мне и моим родным право на

существование. Эти оборотни-кайоты ненавидят за то, что моя жизнь связана с Вихо... И те и другие считают продажной девкой. У меня просто не жизнь, а сказка. Страшная, правда, и с заведомо паршивым концом, но в общем и целом — сказка как ни крути. Про страшного серого волка по кличке Вихо и девочку, которой очень не повезло ему понравиться.

И вспомнив обо всем этом, я успокоилась. А успокоившись, поняла, что мы так и продолжаем стоять на ступенях, и оборотень все так же меня держит за руку, разве что еще сильнее побледнел. Интересно, долго мы еще вот так стоять собираемся?! Я посмотрела на свою руку, на дверь, на Роутега... на руку... на дверь... на Роутега. Взгляд мой был до крайности выразительным, потому как стоять тут мне уже надоело. Но оборотень все так же не реагировал, глядя на меня как на что-то вроде ископаемого червя, о котором все давно знали, что он благополучно вымер, не пережив очередного витка эволюции, и тут вдруг оп — и вылез. В смысле, я вылезла.

Устав бросать выразительные взгляды, я мрачно спросила:

— И сколько еще мы так стоять будем?

«Повелитель» не ответил, только глаза, его красивые серебристые глаза почему-то начали все сильнее светиться тускло-желтым. Что обидно — их даже вот такая подсветка не портила. Но я уже была на оборотня настолько злая, что даже сверкать глазками с его стороны было совершенно бессмысленно.

— Эй, — я чуть повысила голос, — я говорю — стоять мы тут еще долго будем?

Роутег не реагировал. Только его пальцы, обхватившие мою ладонь, подрагивали от напряжения, словно он хотел сжать мою конечность до хруста, но невероятным усилием себя сдерживал. Осознав опасность, я осторожно вывела свою руку, мне ее было жалко, у меня рук ограниченное количество — всего две, и комплектация от производителя не предполагает наличие запасных. Так что я ладонь опасно отобрала, но Роутег продолжал стоять в той же позе, разве что его рука, утратив мое содержимое, сжалась в кулак. В такой не угрожающий кулак, то есть не агрессивный, а вполне себе пытающийся взять эмоции хозяина под контроль. Но кулак определенно не справлялся с задачей, потому что оборотень продолжал стоять столбом, вперив взгляд почему-то в меня. А я продолжала ощущать себя уже упомянутым ископаемым червяком, подло и коварно обставившим эволюцию. Да что там обставившим... Судя по взгляду Роутега, я над этой эволюцией еще и надругалась самым жестоким образом, потому что взирал он на меня с явным обвинением в чем-то вконец нехорошем.

Между прочим, крайне неприятное ощущение.

И может, стоило возмутиться, но когда на тебя так смотрят, даже с даром речи начинаются заметные трудности.

И все же я справилась, глубоко вздохнула и прямо спросила:

— В чем дело?

Роутег не отреагировал, разве что опустил сжавшуюся в кулак руку, но в остальном все так же стоял, глядя в мои глаза. Да сколько можно уже?!

— Слушай, если ты болен и у тебя приступ, то я пойду, а? — раздраженно предложила я. Он ничего не ответил.

— И стоять нам так до скончания веков, — пробормотала с нескрываемым недовольством. Но затем, подумав, устало добавила: — Или пока за мной Вихо не явится.

Роутег отмер в то же мгновение. Его глаза сузились еще сильнее, обозначились желваки от с трудом сдерживаемого гнева, и оборотень прорычал:

— Я бы не стал на это рассчитывать!

Я бы вообще не хотела на это рассчитывать, но, зная Вихо, даже сомневаться не приходилось в том, что меня заберут отсюда, причем довольно скоро.

— Рассчитывай, не рассчитывай, но Вихо всегда получает то, чего хочет, — тихо сказала я.

Роутег вдруг улыбнулся. Правда, улыбка гораздо больше походила на оскал, но затем оборотень стал совершенно серьезен и хрипло произнес:

— Вихо не получит тебя. Никогда. Уже никогда.

Я улыбнулась. Я бы вообще рассмеялась, но были опасения, что смех перерастет в истерику и все закончится слезами и рыданиями, а я свое уже отревела, хватит с меня. Так что просто покивала, всем своим видом демонстрируя, насколько «верю» его заявлению, и совсем устало спросила:

— Зайти уже можно или как?

И тут Роутег неожиданно шагнул ко мне. Всего один шаг, но оборотень вдруг оказался пугающе близко. Его серо-серебристые глаза, полыхающие тусклым желтым сиянием, затмили огромный дом с колоннами, яркое синее небо, зелень прилегающего сада... Они затмили все, приковав мой испуганный взгляд и заставив сердце учащенно биться от неясной, практически неосознанной, но стремительно нарастающей тревоги. В этот миг время остановилось... И мир остановился тоже, растворившись на границе осознанности...

Внезапно с шумом упал мой рюкзак, больно ударив по ноге.

Я вскрикнула и отпрянула, Роутег остался стоять на месте и даже не пошевелился за все время, пока я подхватывала рюкзак, выпавшие из него три упаковки жевательной резинки, ручку и блокнот. И когда поднялась, вновь накидывая лямку на плечо, он все так же продолжал стоять на месте, будто громом пораженный.

Затем сглотнул и произнес:

— Дай руку.

— Еще раз? — скептически поинтересовалась я.

— Да, — голос Роутега прозвучал хрипло.

Делать особо было нечего, я протянула ему ладонь. Он осторожно прикоснулся к ней пальцами, лицо его при этом хранило каменное выражение, вот только глаза пытливо вглядывались в мои, словно оборотень искал в них ответ на какой-то важный для него вопрос. Искал и не находил. Судорожно вздохнув, потянул мою руку на себя, повернувшись, приложил ладонь плашмя к двери.

Та откликнулась серией механических щелчков и золотистым сиянием.

Роутег, отпустив меня, отодвинул и рывком распахнул дверь. Затем, старательно отводя взгляд, указал на вход. Гостеприимно, конечно, вот только хотелось бы мне узнать, что там делать. И я рот открыла, чтобы спросить, но оборотень с неожиданной яростью прорычал:

— Просто исчезни. Молча!

И так он это сказал, что я без разговоров влетела в дом. За моей спиной остервенело захлопнули дверь.

И кто мне объяснит, что это было?

Впрочем, вопрос не имел смысла — я уже точно знала, что никто мне ничего объяснять не будет. Совершенно никто и совершенно ничего. Так что следовало просто выбросить из головы очередную странность и сделать вид, что все в порядке. Ну психанул мужик, может, реально приступ накрыл, с кем не бывает?! И я тут же мысленно себе ответила — с людьми.

А вот у оборотней странностей выше крыши.

Я постояла, ожидая Роутега. Походила из стороны в сторону, но оборотень, видимо, ушел и быть гостеприимным хозяином напрочь отказывался.

Внезапно вспомнилось, что три года назад примерно сходным, крайне странным образом себя повел Вихо. Я спускалась по лестнице, а он, стоявший на пороге нашего дома, вдруг застыл, глядя на меня, затем стремительно развернулся и ушел, остервенело хлопнув дверью. И после два года не появлялся в моей жизни, зато основательно нарастил в ней собственное удаленное присутствие, лишив меня даже призрачной надежды попробовать, что такое личная жизнь...

Это воспоминание вызвало горькое чувство, но я лишь усмехнулась, в очередной раз напомнив себе — происходящее всего лишь отсрочка. И вряд ли она будет долгой.

Но, как бы то ни было, я отправилась изучать дом целого «повелителя», мысленно прикинув, что это, наверное, даже круче, чем изучать дом главаря мафии, а ведь, если бы не похищение, примерно этим я сейчас и занималась бы. Точнее, Вихо начал бы мою экскурсию со своей спальни, как он и обещал. Меня бросило в дрожь при одной мысли об этом, по спине прошелся холодок, к горлу подступила тошнота от дикого панического ужаса. Это действительно очень жутко — отчетливо осознавать, что твоя жизнь кончена, так толком и не начавшись.

Запрокинув голову, подождала, пока высохнут проступившие слезы, успокоилась и пошла осматривать свое временное место обитания.

Дом Роутега оказался впечатляющим — огромный холл, красивая, ведущая наверх широкая лестница, внушительные широкие витражные окна, заливающие все пространство мягким светом, ковры на полу и на ступенях, все в классическом южно-американском стиле. Мне откровенно понравился этот дом.

В момент, когда я бродила по гостиной, распахнулась дверь, боком вошел Кел, неся внушительные пакеты, глянул на меня, улыбнулся и весело спросил:

— Ну как ты тут?

Памятуя о случившемся перед городом, да и в торговой лавке, с вызовом ответила:

— Роутега жду. Буду на него бросаться с неприличными предложениями и всячески преследовать.

— А-а-а, — весело посмеиваясь, протянул Кел. — В таком случае тебе непременно нужно поесть, чтобы сил бегать за Повелителем хватило. Он, знаешь ли, быстрый, а ты с утра ничего не ела.

— Откуда ты... — искренне удивилась я.

Просто с утра я под надзором моих сторожей совершила два перелета на самолетах и одну поездку на поезде, то есть как бы на месте не стояла. Так что знать, ела я или нет, Кел определенно не мог.

— Я следил за тобой, Мадди, — просто ответил оборотень. — Точнее, лично я вел вас от Бостона, а до того тебя около года отслеживали наши.

У меня выразительно отвисла челюсть.

— Не поверишь, у нас была та же реакция, когда выяснилось, что трех своих лучших бойцов Вихо приставил охранять никому не известную человеческую девчонку, — усмехнулся Кел.

И направился, видимо, на кухню, выдав мне:

— Иди наверх, бросай рюкзак и спускайся, кормить буду.

Я снова осталась одна.

Постояла. Подумала. Поняла, что в очередной раз вопросов оказалось куда больше, чем ответов, и пошла наверх, выбирать себе спальное место. Выбрала поближе к лестнице, то есть первую спальню с краю. Интерьер даже толком не рассматривала, сразу бросила вещи на кровать и отправилась в душ.

Минут через десять, встряхивая влажными волосами, спустилась вниз, на ходу прислушиваясь к умопомрачительному аромату чего-то жареного, и так, практически исключительно по запаху, и обнаружила кухню.

А там танцевал Кел.

Ну не совсем, чтобы танцевал, но двигался он, пританцовывая, и стругал салат. А на плите жарилось что-то с мясом, на столе уже были готовые тосты и омлет, из скрытых колонок звучала какая-то мелодия с индейскими нотками, и... и я стояла и смотрела на Кела. Засмотрелась, если честно. Оборотень полурасстегнул рубашку, собрал волосы в хвост на затылке и босиком в темно-синих джинсах крутился по кухне, одновременно и салат готовя, и раскладывая по местам баночки со специями, маслами, салатными заправками, которые принес из лавки. И двигался он так плавно, четко, местами резко и молниеносно, с грацией хищника и в то же время как-то до крайности по-домашнему выглядел босиком и в полурастегнутой клетчатой рубашке, которая открывала очень мускулистую грудь, и...

Тут заработал кондиционер, окатив меня со спины холодом.

Кел вздрогнул всем телом, стремительно развернулся ко мне, прикрыв глаза, втянул носом воздух и выдохнул:

— Ты невероятно пахнешь.

Открыл глаза, смерил меня взглядом, сглотнул и хрипло добавил:

— Выглядишь так же. Как куколка.

— Качина, — проговорила я, скрывая внутреннее содрогание при этом слове.

— Знаешь наш язык? — удивился Кел.

— Частично. — Я прошла в кухню, откидывая назад влажные волосы.

Черные. Темнее, чем даже у Вихо, а он, как сам говорил, был единственным черным волком в стае, меня же оборотень называл редкостью — черные волосы и ярко-голубые глаза у волчиц встречались редко. Тот факт, что я не волчица, а человек, Вихо привычно забывал в наших с ним... пусть будет отношениях.

Кел проследил за каждым моим движением с отчетливо голодным видом, и я, не сдержавшись, заметила:

— Слушай, сомневаюсь, что у такого парня, как ты, имеется недостаток в женском внимании, так что прекрати смущать меня.

Усмехнувшись, Кел произнес:

— Ты очень привлекательная. Точно качина. Такая белая кожа, черные волосы, совершенно удивительные глаза цвета чистого летнего неба. И да — ты для меня редкость, среди наших девушек практически нет брюнеток.

Оставив неприятную для меня тему, я поинтересовалась:

— А что значит твое имя?

— Кел?

Я кивнула.

— Воробей, — улыбнулся оборотень. — Я быстрый и неприметный, как воробей.

Никогда бы не подумала, что его имя имеет такое значение. Особенно если учесть

ширину его плеч и выделяющуюся мускулатуру. Воробей... ну надо же, очень неожиданно.

Сев за стол и поглаживая пальцем мраморную столешницу, поинтересовалась:

— А Роутег?

— Огонь.

В сковородке что-то угрожающе зашкварчало, и Кел с невероятной скоростью метнулся туда, чтобы тарелку с омлетом, стоящую передо мной, вскоре украсило что-то вроде бекона, но в перемолотом виде.

— Можно приступать к обеду, — пододвигая мне вилку и нож, сообщил оборотень и принялся накладывать это подобие бекона и себе.

Потом на стол был поставлен салат, заправки и кетчуп. Для меня Кел налил стакан апельсинового сока, себе воды, и мы начали есть.

— Омлет великолепен, — отдала я должное искусству повара, — мясо оригинальное, но тоже очень даже ничего.

— Знаю, — не без гордости ответил Кел. — Омлет — это то блюдо, которое я научился готовить в совершенстве. Один живу.

Я понятливо кивнула и набрала себе салата.

И тут Кел, прожевав, сложил руки и с явным сомнением, неверием и чем-то еще, мне непонятным, задал вопрос, который явно его мучил:

— Слушай, я все никак не могу решиться, говорить или нет... — Он взглянул на меня: — Мадди, а ты вообще знаешь, что у Вихо до тебя семь жен было?

Я промолчала, безразлично глядя на Кела.

— Это да или нет? — не понял он.

Я продолжала все так же молча смотреть на него.

— То есть знала? — продолжал допытываться Кел.

Я улыбнулась, подавив горькую усмешку, и вернулась к обеду. Оборотень молчал, все так же испытующе глядя на меня. Я закончила с омлетом и салатом, парой глотков допила сок и, поднявшись, сказала:

— Ты готовил, я мою посуду.

— Посуду моет посудомойка, — возразил Кел. — Чего ты молчишь?

— Я не молчу, что подтверждает сказанная ранее реплика про посуду, — ответила спокойно. — Посудомойка где?

Кел указал направление движения, я обнаружила агрегат, открыла и сообщила очевидное:

— Ею еще даже не пользовались. Тут внутри лежат инструкция и упаковка.

Кел подошел, взяв меня за талию, плавно отодвинул, присев, стал разбираться с посудомойкой и ворчать по поводу того, что ее еще даже не подключили.

— Схожу за инструментами, — вздохнул он.

Пока оборотень возился с кухонной техникой, я спокойно перемыла всю посуду под краном и перетерла обнаруженным в шкафу полотенцем. Открыв холодильник, разложила продукты, заодно проинспектировав, что тут, собственно, есть.

— Если что понадобится, берешь в любой лавке, — сказал Кел.

Тут я была вынуждена признаться:

— У меня с собой не так много наличных денег.

Кел, чья голова в данный момент как раз в посудомойке была, рассмеялся, высунулся и, глядя на меня, спросил:

— Ты серьезно думаешь, что их тут у тебя кто-нибудь возьмет? Ты под защитой Роутега, за все, что тебе понадобится, платит он.

Это было очень печально, потому как личных вещей у меня с собой имелось крайне мало, в смысле одежды и прочего, а позволять Роутегу платить за себя я не собиралась. С другой стороны, зная Вихо, меня отсюда заберут гораздо раньше, чем мне что-то понадобится.

Закрыв дверцу холодильника, я постояла, глядя, как Кел подключает посудомойку, и, собственно, по поводу нее и возник вопрос:

— Роутег здесь не живет, насколько я поняла?

Оборотень поднялся и принялся соединять шланги, ответив мне спустя пару минут:

— Не жил, да. В целом мы, свободные, редко бываем в Долине. Это место для детей и женщин.

Хмыкнув, продолжила за него:

— И стариков.

— Нет. — Кел что-то откручивал, активно пользуясь ключом. — Старики предпочитают Изнанку, там время течет иначе и процессы старения значительно замедляются.

Это обозначение я услышала впервые и поэтому переспросила:

— В Изнанке?

— Ааа-га, — напряженно, видимо прикладывая все силы к откручиванию чего-то, ответил Кел. — Там тоже есть наши изолированные территории... Да что ж ты никак... а, все, есть!

Он плавно поднялся, придвинул посудомойку обратно к стене, открыл дверцу и скрылся в агрегате.

Не желая мешать ему, я стояла молча и ждала, пока он закончит. Ждать пришлось недолго — Кел что-то там вправил, достал все ненужное, вставил решетки, взял из шкафчика рядом упаковочку с моющим средством, вскрыл, вставил в паз, повернулся ко мне и скомандовал:

— Все, давай сюда грязную посуду.

Молча указала ему на уже перемытые тарелки, вилки и стаканы.

— Шустрая ты, — поправляя рубашку, протянул Кел.

Безразлично пожала плечами.

Оборотень, чуть прищурившись, взял и вернулся к неприятному, спросив:

— Так что там с семьей женами?

Я снова промолчала, выразительно глядя на него. И должен был бы понять, что я в принципе не желаю развивать данную тему, но Кел положительно не желал с этим смириться.

— Слушай! — Он подошел к разделяющему нас столу, взялся за спинку стула и, с некоторым сомнением глядя на меня, продолжил: — Ты вроде нормальная. Я наблюдал, как ты ведешь себя с Диком и остальными, как реагируешь на витрины с украшениями в аэропорту, и в принципе отчетливо видел твое безразличие по отношению к модельного вида красоткам — ты на них даже не взглянула. Нетипичное поведение для трофейной жены, не находишь?

Оу, так они меня тут сочли трофейной женой, как мило! Можно было бы обойтись без столь обтекаемых определений и сразу обозвать продажной женщиной.

— Молчишь? — озвучил очевидное Кел.

Я улыбнулась, чуть насмешливо глядя на него.

— Не смейся, мне действительно интересно, — произнес он.

— Мне — нет. — Я вновь пожала плечами.

— Совсем нет? — поддел оборотень.

— Совсем.

Кел прищурился, затем усмехнулся и сказал:

— Наши наблюдатели сообщили, что ты с Вихо по своей воле. Они не заметили ни принуждения, ни насилия.

Еще бы! Смысл применять насилие или принуждать, если можно просто забрать жизнь и право что-либо решать в этой жизни. А так в целом да, ни насилия, ни принуждения со стороны Вихо определенно не происходило.

— Хочешь сказать, он тебя просто купил? — недоверчиво спросил Кел.

Я могла бы промолчать, но почему-то предельно честно ответила:

— В каком-то смысле да.

— Да?! — переспросил парень.

Недоуменно покачал головой и сокрушенно признался:

— Поверить не могу, что ты продажная...

Он оборвал себя, видимо не желая озвучивать мне в лицо шаблонное «продажная девка». Но я совершенно спокойно отреагировала и на его признание, и на испытующий взгляд после.

Горько, конечно, было, но если по факту, то:

— Все мы продажные, Кел. Вопрос лишь в цене.

Он неодобрительно покачал головой, помолчал некоторое время, затем сказал:

— Видимо, твоя была крайне высокой, раз Вихо настолько тебя ценит.

И он снова посмотрел на меня, причем вопросительно посмотрел. Стало ясно, что Кел тянет информацию. Из любопытства или, возможно, он какие-то иные цели преследовал — мне было совершенно неясно, да и неинтересно.

— Знаешь, я думаю, будет лучше, если ты об этом спросишь у Вихо лично, — произнесла я.

Хмыкнув, Кел заметил:

— Не думаю, что представится такой шанс.

Я едва не расхохоталась. Мне, к сожалению, уже слишком хорошо было известно, на что способен Вихо.

Кел вдруг стал совершенно серьезным и так же серьезно сказал:

— У тебя глаза заблестели. И я так догадываюсь, что от слез.

Отвернулась, стараясь просто держать себя в руках. Получалось же все последние дни, значит, и сейчас должна совладать с собственными эмоциями.

Кел деликатно помолчал, дав мне время успокоиться, затем тихо заметил:

— Может, ты и права, в том, что цена есть у каждого, но что-то мне подсказывает, что в твоём случае это были не деньги.

Усмехнувшись, я горько спросила:

— Да какая разница, Кел?

И посмотрела на него. Оборотень не отвел глаз, продолжая вглядываться в меня. И я устало пояснила:

— Деньги это были или не деньги, я принадлежу Вихо вся, целиком и полностью. Я

принадлежу ему настолько, что, прикажи Вихо прыгнуть с моста, перерезать себе вены или лечь в его постель, я сделаю это. Я сделаю все, абсолютно все, что он пожелает, и без вариантов. Так что да, ты был совершенно прав, назвав меня продажной девкой. Я такая и есть. Что-то еще, Кел?

Он промолчал, опустив глаза. Затем вновь посмотрел на меня и уверенно произнес:

— Здесь Вихо до тебя не доберется, ты можешь даже не переживать об этом, Маделин.

Я расхохоталась. Смех, горький, едва прикрывающий мое отчаяние, вырвался из задрожавшей груди, неестественно и дико прозвучав в доме моего похитителя... Оборвала его на высокой ноте, подавив всхлип, развернулась и вышла из кухни.

Вихо не доберется, как же... просто ха-ха три раза и жесткое напоминание самой себе о том, кто я, почему живу и отчего мне не стоит даже надеяться на что-либо. Просто надеяться. Хотя бы надеяться...

— Мадди! — окликнул Кел.

Но я не обернулась, не желая ни продолжать бессмысленный разговор, ни выслушивать заверения Кела в том, что Вихо меня здесь не достанет. Вопрос не в том, доберется Вихо или не доберется, вопрос в том — когда. В смысле, быстро или очень быстро.

* * *

Побродив по гостиной, я обнаружила огромный телевизор за панелью из бамбука, нашла даже пульт, эту панель раздвигающий. На поиски пульта от самого телевизора ушло чуть больше времени, но, обнаружив искомый, устроилась на огромном коричневом кожаном диване, включила.

Практически сразу стало ясно, что с этим телевидением что-то не так. Различные кулинарные шоу, программы о воспитании детей, обучающие программы, масса фильмов времен так пятидесятых-шестидесятых годов про идеальных домохозяек в отутюженных и накрахмаленных платяшках с передничками, заботящихся о пышности пирога и сытности обеда. На всех каналах. Масса различных телевизионных программ прошлых лет. Вездесущий канал Дискавери. Никакой крови, насилия, ужасов и передач о террористах. Никаких современных новостей. Вообще никаких новостей.

Куда я попала?!

За два часа, прощелкав более сотни каналов, я отупела достаточно для того, чтобы задуматься о муже, детях и черничном пироге, который несомненно буду печь, когда выйду замуж и заведу детей. Значит, так, только завожу детей и тут же оп — и пирог! Несомненно. Вот как встану с родильного кресла, так сразу за пирог!

И вдруг, совершенно неожиданно, на одном из каналов я увидела бегущую внизу строку о том, что есть срочные новости на канале 214. О, с каким воодушевлением я его тут же включила! Оказалось, включила для того, чтобы узнать, что новости будут в десять. Глянув на часы, обнаружила всего-то начало восьмого.

Подумав, переключила на музыкальный канал и под успокаивающую классическую музыку заснула.

* * *

Тихий щелчок двери разбудил мгновенно, но вот подскакивать я не спешила. И лежала все так же без движения, прислушиваясь к звукам. Разговаривающих было двое, и одного из них я узнала по голосу.

— Спит, — произнес Роутег.

— Ты втянул нас в войну, Повелитель, — этот голос принадлежал явно пожилому мужчине.

— Нет, — уверенно ответил Роутег. — Она человек, соответственно, кровная месть невозможна. Ни один из кланов не сочтет похищение человечки достойным поводом. Войны не будет. Я обещал это, становясь во главе народа Истэка, я сдержу слово.

— Полагаешь, Вихо это остановит?

Я точно знала, что нет. Впрочем, мне было неизвестно ничего в принципе, что могло бы остановить Вихо.

Заговорив тише и как-то ожесточеннее, оборотни прошли куда-то в глубь дома, и голоса стихли.

Я приподнялась, глянула на часы — девять, сладко зевнула и снова заснула.

* * *

Проснулась от того, что дверь захлопнулась.

Обнаружила, что меня укрыли, когда и как — непонятно. Покрывало было совсем новое, даже этикетка сохранилась.

Села на диване, сонно моргая, глянула на часы — без трех минут десять. Торопливо включила телевизор, забралась с ногами на диван, приготовилась...

Шло очередное кулинарное шоу, в котором обсуждались различные способы приготовления яблочно-мятной шарлотки, что, по моему мнению, было скучно. Но уже в следующее мгновение скука испарилась без остатка!

Шоу прервали на полуслове. И на весь экран возникла моя фотография годичной давности. Я узнала это фото — единственное, которое сделал сам Вихо. Он сфотографировал меня на мое девятнадцатилетие в его очередном подарке — ожерелье из голубых бриллиантов под цвет моих глаз. Шикарная, я скромно сидела на краю стула и даже пыталась улыбаться. Улыбка удалась попытки с третьей, я отчетливо помню, как дрожали мои ледяные от страха пальцы. Но фотография получилась отличная — в свете огней ночного клуба сверкали и моя улыбка, и глаза, и камни на шее. Это ожерелье я ожесточенно сорвала с шеи дома, отшвырнула от себя, а потом, испугавшись, что Вихо обнаружит повреждения на своем подарке, ползала под кроватью, доставая, судорожно проверяла, поднеся к свету... Бриллианты самые крепкие камни в мире, это меня и спасло. Я положила украшение в коробочку и больше к нему не притронулась ни разу. Оно и сейчас лежит все в той же коробочке в моем рюкзаке, и только я знаю, как сильно я была бы рада больше никогда к нему не притрагиваться.

Фотография висела на экране секунд пятнадцать, а затем на ее фоне появились очень сильно удивившие меня слова: «Манзи Маделин Вихо была похищена главой клана Истэка». Далее следовало: «За любую информацию о месте нахождения...» и так далее и тому подобное. Любому сообщившему сведения о месте нахождения меня полагались награда и «полная защита клана Волка для вас и членов вашей семьи».

В первый момент я не поняла даже, что так сильно удивило меня в этом объявлении, а после осознала — Манзи Маделин Вихо. Вихо! Не Маделин Эриэн Дейтос, а Манзи Маделин Вихо! И он меня не просто переименовал, он дал мне свое имя, фактически назвав женой!

И не то чтобы меня это напугало... В смысле, он не скрывал, кем я в итоге стану, но от чего-то сжалось сердце.

Вспомнилось услышанное:

«— Ты втянул нас в войну, Повелитель.

— Нет. Она человек, соответственно, кровная месть невозможна. Ни один из кланов не сочтет похищение человечки достойным поводом. Войны не будет. Я обещал это, становясь во главе народа Истэка, я сдержу слово».

Не сдержал. В смысле, втянул их в войну, потому что теперь я не просто человек, я жена Вихо, то есть член клана Волка, а за члена клана кровная месть объявляется безоговорочно. Значит, Роутег вернет меня обратно быстро. Очень быстро. Оно и правильно, я бы на его месте тоже не рисковала своим городом, в котором столько женщин и детей, совершенно не повинных в его желании за что-то Вихо отомстить.

Медленно вновь легла на диван, глядя в темный потолок — на улице уже была ночь, подумала о том, что каникулы выдадутся на редкость короткими. На миг мелькнула мысль сбежать куда-нибудь, чтобы вообще никто не нашел, но... Вихо все равно найдет, причем скорее рано, чем поздно. А я только обрадовалась... Даже появилась надежда, что завтрашний день рождения проведу без него, впервые с пятнадцати лет...

Меня затрясло. Надеюсь, от холода.

Поднявшись, завернулась в покрывало и побрела на кухню, думая о том, что надо найти управление кондиционером и выставить температуру повыше.

Обойдя весь первый этаж, так и не нашла термостат, зато на кухне обнаружила сверток, лежащий на столе. На свертке было написано одно слово — «Ужин». Надо же, обо мне, кажется, позаботились. Развернула бумагу — приготовленные явно на костре, ребрышки пахли очень вкусно, но мне сейчас больше хотелось чаю. Теплого, сладкого, чтобы согрел ладони и хоть немного отвлек от ледяного ужаса, сковывающего изнутри.

Порыскав по кухне, обнаружила много всего запакованного, от чашек до пиалок, чая не нашла. Посмотрела в пакетах, принесенных Келом, там тоже ни чая, ни кофе не было. Решила пойти прогуляться по городку, вроде никто не запрещал, заодно купить себе чай.

На мне были шорты и майка, кроссовки оставила у дверей, когда вошла, на том же месте и нашла их. Захватив с собой двадцать долларов, вышла из дома, закрыла двери. Подумала, что, наверное не заперла — попыталась открыть, но нет, дверь уже была закрыта. Приложила ладонь — замок щелкнул, открываясь. Интересный механизм. Вновь закрыв дверь, отправилась в город.

* * *

Особняк Роутега освещался наземными фонарями, бассейн перед домом тоже подсвечивался, а вот в самом городе было темно. Ни фонарей, ни толкового освещения, хорошо хоть в домах горел свет, так что дорога была видна довольно приемлемо.

Идя к лавке, я услышала, как сзади посигналили, — отскочила в сторону, мимо меня на

скорости миль пятнадцать в час практически бесшумно проехал электрокар. Белый, открытый, то есть без боковых стекол, с навесом только. За рулем сидела женщина, на сиденьях подпрыгивали дети, которые развернулись и радостно на меня уставились.

Внезапно кар остановился, затем, сдав назад, подъехал ко мне, и женщина, невысокая стройная шатенка, приветливо улыбнувшись, спросила:

— Милая Маделин, тебе помочь?

— Добрый вечер, — изумленно поздоровалась я.

— Может, подвести? — продолжила женщина. — Ты куда идешь?

— В магазин, — ответила тихо, осознавая, что оборотень назвала меня по имени.

— В какой? — продолжила она.

— Ну, мне чай нужно купить, — пробормотала я, подходя и залезая на переднее сиденье электрокара.

— Чай... — Она задумалась, проворачивая ключ в зажигании. — Чай — это магазин Керука. Дети, ведите себя прилично!

Я обернулась, и оказалось, что трое сидящих позади меня малышей, придвинулись ближе и теперь заинтересованно меня обнюхивают, двое постарше, которые сидели дальше, тоже явно принимались.

— Мадди, прости, они у меня любопытные, — извинилась женщина, и мы поехали.

Потрясенная окончательно, я удивленно спросила:

— Вы знаете мое имя, откуда?

— Милая, ну, конечно, знаю, — сверкнула улыбкой моя собеседница. — Я, правда, только одного не могу понять — тебе известно, что ты восьмая жена у Вихо?!

Я промолчала.

Не интересующаяся моим ответом неведомая собеседница, увеличивая скорость миль до двадцати в час, продолжила:

— Многие считают, что ты стала его невестой из-за денег, все же Вихо — глава самого многочисленного из наших кланов, а вы, люди, отличаетесь меркантильностью, но я думаю, ты просто не знала. Как ты смотришь на то, чтобы поужинать с нами? Кохэна вернется к рассвету, так что мы с детьми решили съездить и поужинать на озере. Нет, обычно мы ужинаем дома и только потом едем на озеро, но сегодня захотелось поесть там. Там замечательно! Можно поохотиться даже... Ох, ты же не умеешь. А, да ничего, дети побегают сами, а мы замечательно посидим на берегу. Ты любишь озера? Я взяла с собой яблочно-вишневую шарлотку, она замечательная! Правда, дети не едят ничего мучного, но выпечка сегодня получилась изумительная! Ты обязательно оценишь!

И она все говорила, говорила и говорила, а я, растерянно хлопая ресницами, как-то неожиданно поняла, что вопрос с моим согласием уже полностью решен, и да, мне предстоит оценить шарлотку и клубничный сок, а завтра Аяша, как, оказывается, звали женщину, приготовит малиновое пралине. И очень важная информация — самые вкусные булочки в пекарне у Ииска, я обязательно должна их попробовать.

Магазин Керука встретил меня благословенной тишиной, так как Аяша осталась на улице с детьми, воспитывать их по причине того, что самый маленький под шумок ее непрекращающегося разговора все же обнюхал мои волосы, практически зарывшись в них носиком, от чего не удержался на сиденье и упал, стукнувшись лбом.

Так вот, в магазине было тихо, восхитительно тихо, и в этой прекрасной тишине на меня вопросительно посмотрели высокий оборотень, стоящий за торговой стойкой, и три

женщины, перебирающие пищевые ароматизаторы. Кажется, они искали мятный. И если так, то явно для той самой яблочно-мятной шарлотки, о которой рассказывали в шоу, прерванном срочными новостями про меня.

— Добрый вечер, — несколько нервно поздоровалась я.

— Добрый вечер, Маделин, — неожиданно радостно поприветствовали меня все женщины.

Не «Манзи» — уже хорошо.

Я улыбнулась, прошла к пристально следящему за каждым моим движением оборотню и вежливо произнесла:

— Добрый вечер, Керук. Где я могу найти чай?

Мужчина, тоже слегка рыжеватый, как и все здесь, указал на дальний от двери стеллаж и ни слова не произнес. Таким образом, тишина из благословенной превратилась в весьма напряженную. Я прошлась по магазину, подошла к стеллажу с чаями. Быстро выбрала первый попавшийся черный чай, ориентируясь на самую маленькую упаковку, вернулась к продавцу и услышала его задумчивое:

— Ты ему не жена.

— Простите? — честно говоря, возникло ощущение, что ослышалась.

Оборотень отрицательно мотнул головой, словно отмахнулся от моего вопроса.

Я молча положила на стойку выбранный чай и двадцать долларов. Керук смерил меня насмешливым взглядом. Достал из под прилавка пакет с символикой магазина, сложил в него упаковку чая и мои двадцать долларов, молча протянул мне.

— Простите, вы деньги не взяли, — сообщила я.

— Серьезно? — иронично поинтересовался Керук.

Всунул мне пакет, сложил руки на груди и продолжил нагло глядеть. Откровенно говоря, с такими взглядами спорить не хотелось. Поэтому я молча достала деньги, положила на стойку и, пробормотав: «Спасибо, доброй ночи», развернулась, чтобы уйти.

Остановила меня насмешливая фраза:

— У нас здесь совершенно другие деньги, Маделин. И женщины к ним не прикасаются, за все платят мужчины: сначала отец, после муж, в случае смерти мужа — сын. Так что заберите ваши североамериканские доллары, все ваши покупки оплачивает Роутег.

Это все меня, откровенно говоря, сильно расстроило. С другой стороны, зная Вихо и учитывая имевшее место объявление, я здесь на крайне непродолжительное время, так что вполне обойдусь без чая. Я вернулась, взяла деньги, поставила на стойку чай, за который, как оказалось, не могу заплатить, развернулась и вышла. Почему-то появилось желание разреваться, но я уже давно научилась сдерживаться.

Я даже сумела улыбнуться встретившей меня вопросительным взглядом Аяше.

— Так ты ничего не взяла, — затараторила женщина. — Не нашла нужного чая? Оставь заявку, Керук привезет. Правда, в течение недели, но все же лучше, чем ничего. Садись, поехали, а то дети уже становятся просто неуправляемыми. Знаешь, с малышами всегда так — как восходит полная луна, так их вечерами в доме не удержишь. Хорошо, что есть лес, иначе я бы замучилась постоянно чинить царапины на мебели, они же вечно носятся, выпустив когти!

И еще много, много, очень много информации, за потоком которой я практически забыла о случившемся. Мы ехали еще минут двадцать, что не удивительно, учитывая скорость передвижения, и наконец подъехали к лесу, на стоянке возле которого уже

находилось больше ста одинаковых многоместных белых электрокаров. И сразу бросился в глаза странный факт полного отсутствия номеров на машинах — как они тут определяют, где чья, совершенно непонятно.

Едва Аяша остановила электрокар, выбрав место на парковке поближе к лесу, как дети тут же, даже не спрашивая разрешения, с визгом выскочили и умчались — младшие помчались на четвереньках, те, что постарше, гордо убежали на двух ногах. Никак не отреагировав на это бегство, словно все так и должно было быть, Аяша заглушила двигатель, выпрыгнула и, на ходу рассказывая мне рецепт пирога с беконом, пошла открывать багажник. Из багажного отделения оборотница достала покрывало, я забрала его, чтобы хоть что-то понести, и объемную корзину с едой. Мне при виде размера корзины стало не по себе — я бы такое ни за что не подняла, но Аяша легко потопала к виднеющейся между деревьями дороге, продолжая посвящать меня в тонкости кулинарии.

Метров через четыреста, в дополнение к рецептурным частностям, начало раздаваться странное:

— О, а вот и Доли, махни рукой, нет, она справа. А там Кайини с детьми, два часа на юг, ага, правильно махнула. Имитеку! Привет, милая, как ты себя чувствуешь? У нее живот огромный совсем, видишь, чую, принесет она Ригоху пятерых сразу, а не по одному. А это Кими, она, как и остальные девушки, ждет Ночи весенних песен, вот тогда бродить будет уже не с мамой, а с подругами. Ты где хочешь, в лесу или ближе к озеру сесть? Ближе к озеру? Да, там лучше всего. Комаров нет, не бойся. Ох, бесенята уже дичь подняли, слышишь?

Все, что я услышала, — это отдаленный вой, и ничего более.

— Кто-то крупный, — встревоженно произнесла Аяша, остановившись.

Но уже в следующее мгновение облегченно выдохнула и затараторила:

— А, Повелитель здесь, все в порядке, он разберется.

— С чем разберется? — спросила я, пытаясь подстроиться под быстрый шаг женщины.

— Со всем, — беззаботно ответила она. — Это же Повелитель, когда он в городе, можно совершенно ни о чем не переживать. Вот, малыши уже завалили добычу. Идем.

Но идти дальше не получилось, потому что абсолютно беззвучно подъехавший мотоцикл перегородил путь.

— Садись, — холодно приказал мне Роутег.

Хотела было сообщить, что я лично предпочла бы прогулку, но, вспомнив увиденное по телевизору, догадалась, зачем он приехал. Молча передала Аяше покрывало, пожелала приятного вечера и забралась на сиденье мотоцикла, естественно, обняв водителя, как же иначе ехать.

Мотоцикл мягко завелся и бесшумно сорвался с места.

Ну вот и закончилась моя отсрочка.

Когда выезжали из парка, оборотень неожиданно прорычал:

— Не прижимайся ко мне!

Отпрянула.

— Держись, но не прижимайся, — произнес уже мягче.

Я могла бы промолчать, но была расстроена, и мне, откровенно говоря, было страшно, поэтому, откинувшись чуть назад и ухватившись за железную часть багажника, спросила:

— Ты настолько брезгливый или я настолько отвратительна?

Мотоцикл остановился. Мягко, но непреклонно. Затем Роутег повернулся, взглянул на меня сверкнувшими в свете полной поднимающейся луны глазами и глухо произнес:

— Я брезглив, это да. Но что касается тебя... — Он оборвал себя на полуслове, не закончив фразы. Затем продолжил: — Либо ты держишься за меня и мы, доехав до моего дома, спокойно поговорим, либо я усажу тебя впереди, но в этом случае разговора не выйдет, я внесу тебя в дом и уложу на спину, в том самом смысле этого выражения, который предполагает интимный контакт.

Оторопев от услышанного, я замерла, все в той же позе, то есть откинувшись назад и держась за стальной багажник мотоцикла. Потом до меня дошло... и сказанное им, и намек, и... все остальное. Почему-то в этот момент больше всего перепугало только одно: «Будет война». Мысль о войне страшила сильнее, чем даже насилие надо мной. Особенно сейчас, когда я практически познакомилась с Имитеку, которая принесет Ригоху пятерых детей сразу, с Кими, которая ждет Ночи весенних песен, и с чудной Аяшей и ее пятью бесенятами... И все они, похоже, исключительно верят в то, что «Повелитель со всем разберется». А Повелитель, кажется, просто сошел с ума.

— Роутег, — я осторожно отодвинулась от него еще дальше, — послушай, я не знаю причин твоей ненависти к Вихо и, соответственно, ко мне, но я тебя очень прошу, подумай о своем народе и о последствиях, которые может повлечь твой поступок. Я не думаю, что...

Оборотень перебил меня злым:

— Просто держись за меня.

Я отпустила багажник, выпрямилась и тихо сказала:

— Хорошо.

Роутег вновь сел на сиденье, я схватилась за его куртку, мотоцикл бесшумно сорвался с места, и мы помчались по улицам пустого города. Не заняло это и пяти минут, потому что мчались так, что ветер в ушах свистел, а затормозили перед домом настолько резко, что я едва не свалилась, к счастью, оборотень поддержал. И отпрянул, едва понял, что я могу стоять на ногах.

— Пошли, — недружелюбно бросил он, устремившись в дом.

Мне ничего не оставалось, как отправиться следом.

Вошла, разулась, снимать джинсовку не стала — не хотелось раздеваться даже в малейшей степени.

— Иди сюда! — раздался окрик Роутега из кухни.

Когда я вошла, оборотень стоял с банкой пива в руках, бросил мне вторую, стоящую на краю стола банку, я ее едва поймала. Повелитель, мрачно глядя на меня, произнес:

— Садись, нам предстоит долгий разговор.

Я села. Поставила пиво на стол, отодвинула от себя. С удивлением пронаблюдала за тем, как Роутег открывает пиво, делает глоток.

— Чего так удивленно смотришь? — поинтересовался он.

— Разве оборотни пьют? — Честно говоря, не знала.

Усмехнулся и промолчал, пристально глядя на меня.

Пожалуй, так же пристально смотрела на Роутега и я. Еще тогда, на перроне, я обратила внимание, что он во время боя не перешел даже в частичную трансформацию, в отличие от других сражающихся оборотней. Сейчас неожиданно поняла, что у него в принципе гораздо больше отличий от представителей нелюдей. Он был значительно стройнее остальных оборотней, и его тело вовсе не напоминало бугрящиеся мускулатурой торсы тех же Дика, Стэна и даже Кела. Вихо тоже не выделялся раздутыми мускулами, но он был хищный матерый волк, одевался с изыском в дорогие, прекрасно подчеркивающие фигуру костюмы и

в целом смотрелся все же внушительно. Роутег — нет. Джинсы, кроссовки, белая, без рисунка, майка-поло обрисовывали спортивную, поджарую фигуру. Каким образом этот Повелитель встал во главе стаи перекаченного зверья, мне было совершенно непонятно. Плюс волосы. У Кела и прочих здесь с рыжеватым отливом, Роутег скорее просто темный шатен. Но на этом «просто» в его облике заканчивалось — серебристые, глубоко посаженные глаза, выдающийся орлиный нос, плотно сжатые красиво очерченные губы, квадратный подбородок. Его лицо вызывало доверие, и ему действительно здесь все доверяли, достаточно вспомнить слова Аяши.

И тут Роутег насмешливо произнес:

— Обычно после столь внимательных взглядов я укладываю человеческих женщин на спину.

Я вздрогнула, с ужасом глядя на него.

— Забавная реакция. — Роутег снова отхлебнул пива.

И я поняла, что надо мной банально издеваются. Видимо, он и раньше, когда ехали на мотоцикле, просто поиздеваться решил. Отчасти это успокаивало, отчасти — злило.

— Забавный разговор, — пробормотала я, поднимаясь.

Сходила, налила себе сока, со стаканом вернулась назад, села. Вздрогнула повторно, осознав, что Роутег проследил за каждым моим движением, не отрывая взгляда. И кажется, не мигая даже. Это было жутко, и появились сомнения в том, что сказанное ранее было лишь издевательством. Когда издеваются, ТАК не смотрят.

— Знаешь, ты бы определился с отношением ко мне, — внезапно, даже для самой себя, высказала Роутегу.

Он вопросительно вскинул бровь, и мне пришлось пояснить:

— Мне больше нравится, когда ты откровенно ненавидишь, чем когда вот так вот на меня смотришь.

На его губах медленно появилась кривая ухмылка, и Роутег зло произнес:

— Я бы определился. Возможно. Я бы даже смирился с тем, что ты практически человек и являешься оборотнем лишь на четверть. Но вот что меня откровенно злит, так это твое лицемерие.

Обвинение было столь нелепым, что я даже возмущаться не стала и просто спросила:

— И в чем же оно проявляется?

Повелитель усмехнулся, мол, все очевидно, и сделал глоток пива. Вновь посмотрев на меня, спросил:

— Ты знала о том, что Вихо собирается на тебе жениться?

Пожала плечами, спокойно ответила:

— Да, он не скрывал этого.

Роутег как-то странно отреагировал: скептически хмыкнул и уточнил:

— Он хотел затащить тебя в постель, пообещав жениться?

Разговор становился совершенно странным.

— Нет, — раздраженно ответила я. — Он собирался жениться и после этого затащить меня в постель.

Оборотень как раз вновь брался за пиво, но, услышав сказанное мной, передумал пить, сложил руки на груди и глянул, как на последнюю лгунью.

Скривился и сообщил:

— Маделин, малышка, я скажу тебе то, что является негласным правилом среди

оборотней: мы не женимся на человеческих девках, как бы привлекательны они ни были. Исключение бывает лишь в одном случае, но это не ваш с Вихо случай, и в этом я теперь полностью уверен. Пойми, у нас жениться на подобной тебе, все равно что у вас заявить обществу — я гей. Такие союзы как бы может и допускаются, но не одобряются, являясь противоестественными. И уж тем более на подобное не решился бы ни один глава клана.

Настала моя пора сильно недоумевать. Не женятся, значит? Безумно любопытная информация. Особенно в свете того, что Вихо уже во всеуслышание объявил меня своей женой. Что меня лично не особо удивило, в отличие от Роутега.

— Слушай, — я устало вздохнула, — а зачем меня вообще похитили?!

Он промолчал. Я развела руками, демонстрируя, что действительно не понимаю, и объяснила суть своего непонимания:

— Вы следили за мной больше года, вы...

— Кел проболтался? — поинтересовался Роутег.

Я прикусила язык.

— Продолжай, мне уже интересно, какие еще любопытные выводы ты сделала, — милостиво разрешил оборотень.

Ну, и продолжила:

— Вы следили за мной больше года, а значит, могли выкрасть и раньше.

Усмехнувшись, Роутег произнес:

— Могли. — Улыбнулся шире и добавил: — Но я не был уверен в том, что ты действительно нужна Вихо. Он прокололся лишь в том, что приказал держать твой приезд в тайне. Вот тогда и стало ясно, что он действительно ОЧЕНЬ дорожит тобой.

Потрясенно глядя на Повелителя, я спросила:

— Почему?

Роутег повел плечом, взял банку с пивом, отхлебнул и как-то устало ответил:

— Потому что Вихо больной, склонный к пафосу и театрализованным представлениям ублюдок. Но при этом он за семью печатями скрывает то, что ему действительно дорого.

Повелитель помолчал, разместив банку на столе и задумчиво ее покручивая, потом продолжил:

— Три года назад в клане Волка было неожиданно объявлено, что Вихо нашел свою волчицу, но представит ее всем... — издевательски усмехнулся, — вот сегодня.

Это я знала. И куда еду знала, и зачем, и о том, что Вихо уже предупредил «свой народ» о моем появлении. Но тут Роутег откровенно удивил, сообщив:

— Пятерых. Пятерых девиц в этот период времени взялись опекать оборотни Вихо.

— В смысле? — не поняла я.

Он объяснил:

— В смысле — охранять. В разных странах, и одну даже в Изнанке. Всех взятых под охрану волчиц отличало несколько характерных черт — красивые, свободные, нетронутые и из хороших семей. Для каждой был снят дом, назначена охрана. Их берегли как зеницу ока, Вихо навещал каждую, оставаясь по несколько дней с «избранницей» наедине. Как ты понимаешь, они очень быстро перестали быть нетронутыми. Ну и в завершение комедии — все пятеро прибыли сегодня в клан Волка, под охраной и с да, с пафосом.

У меня не было слов. У меня не было мыслей... я просто не понимала: ЗАЧЕМ?

Словно угадав причину моего потрясения, Роутег произнес:

— Из-за меня.

И непонимания у меня стало еще больше. Я даже не спрашивала ничего, просто в полном удивлении смотрела на оборотня. И Повелитель снизошел до объяснения:

— Несколько лет назад Вихо совершил огромную ошибку — решил подмять народ Истэка под себя. Антинэнко был старым оборотнем, потерявшим свою пару и потому стремительно обессилившим. Его сыновья оказались недостаточно сильными, чтобы, встав во главе клана, быть способными противостоять Вихо. И тогда Антинэнко обратился ко мне. Я не истэка, бросить вызов мне, основываясь на традициях давней вражды, Вихо не мог, и клан сохранил независимость. Бросить вызов лично мне без какого-либо обоснования Вихо не мог также — это против наших законов. Единственное, на что мог теперь претендовать глава клана Волка, — женщины кайотов. Волки сильнее, в битве за самку верх обычно одерживают они, но я создал Долину. Территорию, полностью изолированную для внешнего вторжения, таким образом перекрыв волкам доступ к нашим женщинам и при этом не нарушив ни одно из правил оборотней. В каждом законе есть лазейка, так у вас говорят?

Роутег почему-то совсем невесело улыбнулся. И я поняла почему, едва он продолжил:

— И на этом Вихо следовало бы утереть свой нос, но... он решил спровоцировать меня на войну иным способом. У меня была девушка...

— Невеста? — тут же спросила я, вдруг осознав, для кого готовился этот дом.

— Нет, — ответил Роутег, — человеческая девушка.

Его лицо потемнело, и, глядя на банку с пивом, оборотень сказал:

— Я мог бы взять любую из свободных женщин Истэка, но ждал свою пару... Наивное, как оказалось, ожидание. — И злой взгляд на меня. Безумно злой. Я себя даже виноватой почувствовала, только так и не поняла в чем.

Роутег помолчал, затем заговорил вновь:

— Человеческие девушки — неплохая временная замена нашим женщинам. Я выбирал себе подругу, заключал соглашение, оплачивая ее время, и получал доступ к телу. Когда началась конфронтация с Вихо, я забрал свою девушку сюда, причем исключительно из-за соображений экономии времени. Чтобы не мотаться во внешний мир. Ее это не особо обрадовало, но деньги решают все. В один день она напросилась съездить с Керуком навестить свою подругу. Естественно, я не возражал и не подозревая, что кто-то может даже подумать о мести мне через ту, с кем я делю постель... Я ошибся. Вихо ее убил.

Несмотря на то, с какой легкостью Роутег мне об этом рассказывал, я вдруг ощутила, насколько тяжело давались ему эти слова, хотя внешне... внешне он говорил с полуиздевкой, вот только непонятно, над кем издевался. Складывалось ощущение, что над собой.

— Я был в бешенстве, — продолжил он, глядя теперь на собственные напряженные руки. — Но бросить вызов Вихо не мог — она не являлась оборотнем, у меня не было права на кровную месть. По нашим традициям виновен в ситуации я — не уберег.

Он замолчал, словно переживая все случившееся снова.

— Я достаточно долго ждал — и дождался. Око за око, так у вас говорят?

И Роутег посмотрел на меня. Посмотрел так, что я неожиданно ощутила себя на пороге смерти... Ведь койот фактически произнес «Смерть за смерть». И он прекрасно понимал, что я быстро проведу аналогию. Провела.

Гулко сглотнув, хрипло спросила:

— Ты меня убьешь?

Ответ был издевательским:

— Это вариант.

Выдержал паузу. Затем, укоризненно глядя на меня, тихо произнес:

— Мы не убиваем женщин.

Подобная фраза явно подразумевала, что-то вроде «мы не Вихо, мы не убийцы». Убийцы или нет, в любом случае я оказалась в зависимости от мужчины, явно охваченного жадой мести, и мне было не особо весело. Мне было страшно и за себя, и за народ Истэка, который теперь, похоже, будет втянут в войну.

И, вспомнив об этом, я сказала:

— Вихо объявил меня своей женой. Значит, в соответствии с традициями ты должен меня вернуть, так?

Роутег улыбнулся. Это была откровенно злая улыбка, которая могла означать только одно — абсолютное «нет»! Это пугало. Потому что было прямым нарушением правил оборотней, а я уже знала, что подобное не обходится без последствий.

— Твоя очередь, Маделин, — глядя в мои глаза, произнес оборотень. — Я так понимаю, Вихо не сразу принял решение взять тебя в жены. Меня интересует, что было до этого.

А до этого был мой первый самый худший день рождения. Мои пятнадцать лет. День, в который праздник обернулся кошмаром. Потому что в тот миг, когда я собиралась задуть свечи на торте, дверь распахнулась и в окутавшей дом тишине прозвучало: «Манзи, я же сказал — не приглашай гостей». И я сидела за столом, глотая слезы и глядя на догорающие поверх торта свечи, а подручные Вихо вышвыривали всех моих гостей из дома, не особо заботясь о том, не поранятся ли дети. В какой-то момент с хрипом упал на колени мой отец, который пытался остановить творящийся беспредел, и вот тогда я, закричав, подскочила с места. Но Вихо остановил меня, сказав: «Нет-нет, качина, не стоит беспокоиться о нем, никто не убьет твоего отца, я ведь пришел за твоей жизнью. Помнишь, ты мне ее обещала?» Никогда не забуду крик мамы, когда она это услышала. Но я не посмотрела на нее, я смотрела на Вихо. Он улыбался, ему безумно нравилось происходящее. «Идем, — сказал Вихо, — настало время прощаться с жизнью. Обещаю, я убью тебя быстро». И я пошла за ним, не взглянув на родителей, и потом всю ночь, в ожидании смерти, дико сожалела об этом. Вот только смерти не было. Был праздник в огромном магазине, было предложение выбрать все, что я только захочу, был невероятных размеров торт, вкуса которого я не ощутила, были вопросы обо мне, моей учебе, моих друзьях, о том, как я провела время с тех пор, как мы последний раз встречались. И было возвращение домой на рассвете, поцелуй в щечку и слова: «Я одолжу тебе твою жизнь еще на год, Манзи. Проведи его с пользой и не приглашай больше гостей».

Мне было пятнадцать, мне дали год на то, чтобы подготовиться к смерти.

И я достойно подготовилась к ней, проживая каждый день как последний. Чтобы не думать о том, что ждет впереди, и поменьше бывать дома, где у мамы случалась истерика за истерикой при одном только взгляде на меня, я усердно училась, ходила во все возможные кружки, занималась спортом. За этот год целая стена в моей комнате наполнилась наградами и грамотами. Меня утешала мысль, что после моей смерти родители будут с гордостью вспоминать обо мне.

На мое шестнадцатилетие из дома ушли все, я уговорила, и даже со всеми успела попрощаться. А потом я сидела одна в гостиной, ожидая своего палача и своей смерти. Я была готова умереть, но очень надеялась, что, увидев мое послушание, Вихо продлит мой срок еще на год. Мне было всего шестнадцать, я отчаянно хотела жить...

В шесть вечера к дому привезли перевязанный алым бантом безумно дорогой автомобиль, а затем вошел Вихо с ключами в руках, поздравил меня с днем рождения и сообщил, что от его подарков не отказываются, СМЕРТЕЛЬНО боясь его обидеть. Появилась надежда, что на этот раз Вихо меня не убьет. Так и случилось — у меня снова был пафосный день рождения, и на этот раз я даже ощутила вкус торта — миндальное пралине... с тех пор ненавижу миндаль. А Вихо развлекался как мог, издевательски интересуясь моими планами на будущее. Это было жестоко, но в этом был весь Вихо.

К рассвету, проводив меня домой, Вихо с улыбкой поправил мои волосы, погладил по щеке и сообщил: «Продолжай наслаждаться жизнью. Я продлю срок твоей жизни, если и этот год ты проведешь как надо».

И он уехал, а я, эмоционально вымотанная настолько, что едва стояла на ногах, не могла понять, стоит ли мне радоваться или проще покончить жизнь самоубийством. Вот только что тогда будет с мамой, отцом...

Этот год я провела как предыдущий — учеба, спорт, театральный кружок и класс живописи, который мне пришлось покинуть, после того как преподавательница, «впечатлившись» моими рисунками, отправила меня к школьному психологу.

А за несколько дней до своего семнадцатилетия я влюбилась.

Он был из параллельного класса, капитан футбольной команды, очень обаятельный и добрый парень. Мы столкнулись в коридоре, и я нечаянно облила его соком, начала извиняться, парень стал убеждать, что все в порядке и вообще он всегда мечтал об оранжевом пятне на футболке... Мы проговорили несколько часов и даже не заметили, как пробежало время. Я пропустила все кружки, он тренировку. Именно его тренер и заставил оторваться друг от друга, в жесткой форме сообщив, что уже битый час ищет кое-кого.

Возвращаясь домой, я отчаянно поняла, что хочу жить. Пусть еще всего год, но теперь, когда я влюбилась всем сердцем, мне так нужен был еще хотя бы год. На следующее утро Стентон ждал меня возле школы, мы проводили вместе каждую свободную минуту.

На день рождения я надела свое первое «маленькое черное платье», распустила волосы и подкрасилась. Мне было семнадцать, я была влюблена, я неожиданно поняла, что хочу быть красивой. И я очень надеялась, что Вихо сжалится и подарит мне еще год жизни. И я буду со Стентоном, он уже купил для меня билеты на все футбольные матчи его команды, мы планировали каждые выходные проводить вместе, я была так счастлива...

Наверное, именно это меня и погубило.

Когда пришел Вихо, радостная, я сбежала по лестнице в гостиную, собираясь с ходу рассказать, что провела этот год как надо, так, как он и говорил, но... испуганно замерла, натолкнувшись на взгляд оборотня. Вихо стоял, странно ссутулившись и пожирая меня взглядом. Мне показалось, что он меня убьет прямо сейчас, в эту минуту, на глазах у родителей... Но он молчал. Он молчал и смотрел на меня медленно загорающимися желтым светом глазами. Он был пугающе страшным в этот миг...

А затем Вихо швырнул Стэну мой подарок, развернулся и ушел, с остервенением хлопнув дверью. Дик вышел вслед за ним, вернулся почти сразу, кивнул мне и скомандовал: «На выход, Маделин». Сказать, что я испугалась тогда, — не сказать ничего, я шла за Диком на негнущихся ногах, споткнулась на лестнице, больно ударилась, садясь в машину. Это был день рождения в лучшем ресторане города, который весь был снят для меня, но Вихо не присутствовал.

Он позвонил мне утром, едва я проснулась, и хриплым голосом сообщил: «Мы изменим

договор, Манзи. Ты будешь жить, смерти больше можешь не бояться, но твою жизнь я забираю себе. Всю без остатка. И правила игры отныне меняются, Манзи. Никаких других парней, я запрещаю тебе даже смотреть в сторону человеческих самцов. Никакого алкоголя, моя будущая жена не должна травить себя. Никаких человеческих друзей — люди слабы, а жена главы клана Волка не может позволить себе слабости. Живи, учись, не нарушай правила. В двадцать лет, когда взойдет полная луна, ты покинешь мир людей, чтобы целиком и полностью принадлежать мне».

Возможно, он сказал тогда что-то еще, но я не дослушала... Трубка выпала из ослабевших пальцев... Я с ужасом представила, как буду объясняться со Стентоном. Почему-то в тот момент я думала только об этом. И когда ехала в школу, думала об этом. И когда едва не врезалась в другую машину, увидев, что парень ждет меня, я тоже думала лишь об этом. И мне тяжело дался этот разговор, безумно тяжело... Тем большее было услышать: «Твой любовник запретил тебе развлечения на стороне, значит?» Я опешила. И просто стояла молча, выслушивая, что, оказывается, всем давно известно, что я подстилка какого-то богатея. Моя дорогушая машина тому доказательство, и про то, что в мой день рождения был снят целый ресторан, все тоже знали. И про ресторан в прошлом году... И мое поведение все воспринимали как зазнайство, и я шлюха, а он, Стентон, напрасно всем не поверил.

Я не смогла пойти на занятия в тот день. Когда Стентон ушел, я просто медленно опустилась на асфальт и долго сидела, опираясь спиной о машину. В тот момент мне просто не хотелось жить.

Мне больше уже не хотелось жить...

Но выбора особо не было. Я отсиделась, успокоилась как могла, потом поехала домой. Жизнь в школе для меня стала невыносимой — насмешки, издевки со стороны друзей Стентона преследовали повсюду. К его чести он их не поощрял и старался обрывать как мог, но когда их команда проиграла подряд три матча из-за его ошибок, а затем он перевелся в другую школу, в этом обвинили меня. Началась травля. В какой-то момент старшая сестра, не выдержав моего «призраковатого» вида, вытащила на вечеринку в колледж. Мне безумно хотелось отвлечься, и когда предложили, плюнув на все и решив, что не убьет же меня Вихо за бутылку пива, я ее выпила... Всего одну банку пива... Лично мне никто ничего не сделал, но уже утром на младшего брата напали и избили неизвестные. На его спине ножом вырезали одно слово «Пиво». Это было жестоким напоминанием о новых правилах игры с Вихо, и больше я никогда эти правила не нарушала.

А Роутег ждал ответа.

И не дождавшись, с нажимом повторил:

— Что было до того, как Вихо решил сделать тебя своей женой?

Тихо ответила:

— Он взял в залог мою жизнь, в обмен на жизнь моего отца.

На оборотня я не смотрела. Не взглянула и тогда, когда Роутег вновь спросил:

— Жизнь твоего отца принадлежала Вихо?

Пришлось объяснить:

— Папа — полукровка... из клана Волка.

Пауза, на этот раз довольно долгая, и ледяное:

— Полукровкам клана Волка запрещено иметь детей.

Я промолчала, Роутег догадался сам:

— Хочешь сказать, что твой отец сбежал?

Молча кивнула.

— Хм, — усмехнулся он, — что ж, это объясняет, почему Вихо собирался его убить, но тут два момента, которые вызывают мое сильное недоумение: первое — как твоему отцу удалось сбежать и второе — с чего Вихо согласился на этот странный обмен?

Я промолчала.

— Здесь что-то не так, — произнес, не дождавшись ответа, Роутег.

Он встал, сходил к холодильнику, вернулся с новой банкой пива и продолжил:

— Жизнь в обмен на жизнь — это бред. По законам клана Волка Вихо имел право убить вас всех для сохранения чистоты крови и твою мать — как посвященную в тайну о существовании оборотней. Понимаешь?

Я не понимала, но мне стало очень страшно. Я безумно испугалась того, что если правила соответствуют тому, что сказал Роутег, то моих родных и сейчас могут просто убить...

Повелитель Истэка открыл банку с пивом, глотнул, посмотрел на меня и произнес:

— Что ты знаешь о Вихо?

Я мало что знала, и чем больше узнавала, тем меньше в принципе хотелось знать. Роутег внимательно смотрел на меня, ожидая слов. Но я снова промолчала, и тогда оборотень продолжил:

— Рядом с Вихо ни одна наша женщина не выдерживает более трех месяцев. Человеческие практически лишены инстинктов и потому живут дольше — полгода.

Я невольно вздрогнула. О человеческих женщинах мне было неизвестно, Вихо говорил лишь о женах. На миг прикрыла глаза, затем посмотрела на сок в стакане. Оранжевый, с волокнами мякоти, привычный апельсиновый сок... не хочется думать о будущем.

— Хочешь знать, в чем причина? — поинтересовался Роутег.

Подняла взгляд на него.

— Страх, — глядя мне в глаза, сказал оборотень. — Все дело в страхе.

Приподняла бровь, выражая мрачное недоумение по поводу его слов. Глава клана Истэка усмехнулся, затем произнес:

— Даже среди людей существуют особи с особыми способностями. Среди нас также. Мы называем это «дар». Одаренных немного, но практически у каждого из глав кланов есть свой дар. Дар Вихо — страх. Безотчетный, неконтролируемый ужас, который он способен внушать окружающим. Родись он человеком — погиб бы еще в детстве, вы, люди, уничтожаете то, что вызывает у вас страх.

— У оборотней иначе? — тихо спросила я, не совсем понимая, о чем в принципе идет речь.

— Иначе, — подтвердил Роутег. — Страх вынуждает звериную сущность беспрекословно, безотчетно, бездумно подчиняться. Вихо — непререкаемый глава клана Волка.

Повелитель Истэка вдруг протянул руку над столом, и на белой каменной поверхности невероятным образом начали собираться крупинки красновато-рыжего песка, все больше и больше. Словно возникая из воздуха, они присоединялись к маленькому вихрю, танцующему под рукой Роутега.

От неожиданности я отшатнулась, но один взгляд Повелителя Истэка — и осталась сидеть, потрясенно глядя на происходящее. Нет, я уже смирилась с существованием оборотней, но это... Что это?!

— Мой дар, не нервничай, — сухо сказал Роутег.

Я не то чтобы нервничала, мне было и любопытно, и жутко одновременно. За несколько секунд вихрь из незримого воздушного стал отчетливо видным — песчаным. Движение руки — и песок расплескался кляксой на столе.

— Клан Волка, — начал говорить Повелитель, и, словно повинуюсь его словам, песок ожил и схлынул по кругу, оставив на столе рисунок, изображающий голову волка, — всегда занимал особое положение среди иных кланов.

И вновь, словно повинуюсь его словам, песок, что ореолом окружал лик оскалившегося хищника, пришел в движение и отступил, оставляя изображение десятков животных — медведей, их было больше всего, соколов, воронов, сов, змей, черепах, койотов, лисиц. Это были анатомически точные изображения и изумительная техника песочного рисунка.

— Волки — хранители, они как никто другой способны к состраданию, они всегда готовы прийти на помощь, — и ко всем животным от изображения волка потянулись струйки песка. — Волки — проницательны, они ощущают все чувства и намерения.

И глаза у нарисованного волка слегка прищурились, словно сейчас этот волк смотрел на меня, пристально, внимательно, видя насквозь. Жутковатое ощущение.

[Купить полную версию книги](#)